

Фатиха серенда Каримову
28570/м

5го Марта 1899 года.

Отъ автора

ИСЛАМЪ И ПРОГРЕССЪ

М. Фр. Каримовъ

И МАМА АХУНДА МУДАРРИСА

А. БАЯЗИТОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1898

Дозволено цензурою 29-го мая 1898 г. С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Вступленіе	5
Глава I. Взгляды Ислама на науки и прогрессъ	15
» II. Краткій историческій очеркъ культуры Ислама . .	22
» III. О мнимомъ фанатизмѣ Ислама	36
» IV. Указъ о христіанахъ данный Мухаммедомъ	57
» V. Рабы и женщины въ ученіи Ислама	65
» VI. Исламъ о государствѣ	83
Заключеніе	92

ВСТУПЛЕНІЕ.

I.

До сихъ поръ еще Европа въ своихъ международныхъ сношеніяхъ съ мусульманскимъ востокомъ руководствуется конвенціями и трактатами, заключенными особо, спеціально для этихъ странъ, различающимися по характеру своему отъ общаго международного права. Въ этомъ смыслѣ получалось строгое различіе востока отъ сонма культурныхъ державъ. Спрашивается, продуктомъ чего явилось это различіе и ради какой цѣли. Что новаго внесло оно для международной жизни и отдѣльнаго существованія культурныхъ и некультурныхъ націй. Говорятъ, что этого требовало ученіе Ислама; благодаря ему мусульмане стоятъ особнякомъ отъ Европы.

Въ виду этого намъ пришла мысль разсмотрѣть ученіе Ислама, найти отправную точку такого якобы исключительнаго міровоззрѣнія мусульманъ и рѣшить, на самомъ ли дѣлѣ задерживаетъ Исламъ введеніе культурныхъ реформъ среди своихъ прозелитовъ и, если онъ является препятствіемъ для нихъ, то въ чемъ именно; какія, наконецъ,

особыя черты Корана въ смыслѣ кодекса нравственности и основанія общественной жизни.

Разсмотрѣніе этого вопроса можетъ имѣть одинаковый интересъ, какъ мусульманамъ востока, такъ и для Европы. Многіе полагаютъ, что мусульмане изъ-за присущаго имъ фанатизма возстанутъ противъ реформъ. Что касается до насъ, мы не видимъ въ Исламѣ какого нибудь тормоза къ культурному развитію, препятствія, мѣшающаго мусульманину стать въ рядъ культурныхъ европейцевъ. Мы смѣло можемъ утверждать, что Коранъ, Шаріатъ могутъ идти рядомъ со всѣми благоразумными реформами. Но несмотря на благопріятное ученіе Ислама о совмѣстности его со всѣми разумными гражданскими реформами, признанными потребностью времени, мы къ сожалѣнію не можемъ констатировать такого удачнаго разрѣшенія этого вопроса, говоря о прозелитахъ Ислама.

Здѣсь мы видимъ, что въ XIII и XIV вѣкахъ по прекращеніи Абассидскихъ халифовъ подъ чисто внѣшнимъ, постороннимъ вліяніемъ мусульмане круто отвернулись отъ пути Абассидскихъ халифовъ, отклонились отъ истиннаго духа Ислама, которымъ такъ славно держалась вся Абассидская исторія.

Припомнимъ, что тогда развитіе науки и уровень знаній заслуживали всеобщее уваженіе, и арабская культура не только не уступала Европѣ того времени, но, передавшись отъ арабовъ латинскому западу, какъ умственное наслѣдіе Индіи, Сиріи и грековъ, поставила арабовъ какъ бы учителями старой Европы. Замѣстители Абассидовъ не пошли по этому славному пути; они склонились къ другому теченію и отстали отъ ученія духа Ислама и чистаго Шаріата.

Ни понимая хорошо ни красоты, ни чудеснаго слога арабскаго языка, эти наслѣдники аравитянъ изъ другой расы не могли усвоить духа, стilia этого языка и не сѣумѣли замѣнить ея высокой культуры своими началами, а потому и очутились безъ руля и безъ вѣтрилъ въ міровомъ океанѣ стихійныхъ силъ и народныхъ круговоротовъ. Удаляясь незамѣтно для самихъ себя все болѣе и болѣе отъ арабскаго культа и вмѣстѣ съ нимъ отъ духа ученія Ислама, они сохранили за собою лишь подражаніе аравитянамъ въ одной внѣшней обрядности, въ ученіи одного букварнаго зубренія, а самый духъ Ислама ускользнулъ отъ ихъ взора.

Ко всему этому прибавилась и другая бѣда, сдѣлавшаяся чуть-ли не самой главной причиной охлажденія ко всему, что называется свѣтскимъ прогрессомъ. Явившіеся такъ некстати въ средѣ неустроенныхъ и неустановившихся народовъ дервиши, мистики, суфій со своими отвлеченными ученіями, быть можетъ прекрасными въ своей идеѣ, но ничего не дающими для жизни земной и, главное, слишкомъ неумѣло примѣненными къ народнымъ обрядамъ и жизни, на долгое время вытѣснили всякое иное ученіе и отняли охоту къ гармоничному развитію и устройству общественной жизни. Указывая на эти факты, призываемъ ученыхъ улимовъ, философовъ обратить особое вниманіе на это обстоятельство.

Боязнь порицаній квасныхъ ревнителей, послѣдователей этихъ ученій, — большая медвѣжья услуга исламу. Она не должна остановить отъ необходимаго шага, — очистить ученіе Ислама отъ плевелъ, примѣшанныхъ къ нему позднѣйшими невѣждами. Тѣмъ болѣе, что проповѣдники этихъ новообразованій зачастую, сами не сознавая свои

отвлеченныя теоріи и не уловивъ истиннаго духа Корана, служили скорѣе своимъ эгоистическимъ цѣлямъ угождать и сильнѣе дѣйствовать на нервы темной толпы.

Они строили свои проповѣди на темы застрашиванія карами небеснымъ; одни съ убѣжденіемъ, а другіе съ напускнымъ и своекорыстнымъ рвеніемъ. Съ теченіемъ времени такая тенденція дала весьма нежелательную духу Ислама закваску, внесла большую путаницу понятій. И эта многими вѣками накопленная разновременная литература стала считаться чистымъ Шаріатомъ. Отсюда-же происходятъ характерныя черты воззрѣнія мусульманъ и ихъ настроенія въ XIV—XIX вѣкахъ.

Мы думаемъ, что ученіе Ислама не мѣшаетъ никакимъ дѣйствительнымъ улучшеніямъ.

II.

Нѣтъ части свѣта, гдѣ бы не находились прозелиты Ислама.

Многими милліонами считаются на земномъ шарѣ послѣдователи этого ученія. Африка, Азія, Европа (Индія и Китай), дали имъ пріютъ у себя; въ одной Индіи мусульманъ насчитывается до 50-ти милліоновъ, а въ Китаѣ число ихъ и по сейчасъ еще не извѣстно въ точности. По старому описанію путешественника (Васильева) въ Китаѣ ихъ надо считать не менѣе 30-ти милліоновъ.

Замѣчательная черта мусульманъ,—гдѣ-бы они ни находились, въ какомъ-бы государствѣ ни поселились, вездѣ они тѣ же добрые граждане: покорные, смиренные, довольные своею судьбою. Трезвость и нераспростра-

неніе среди нихъ употребленія крѣпкихъ напитковъ *) должны-бы еще болѣе сдѣлать изъ нихъ людей достойныхъ, почтенныхъ, талантливыхъ, выдающихся среди своихъ культурныхъ европейскихъ братьевъ и дать имъ одинаковое положеніе въ ряду европейцевъ, чтобы служить общей культурной цѣли.

Но, увы, эти хорошія черты ихъ не выкупаютъ обратной стороны медали. Одни магометане какъ бы на вершинѣ высокаго острова среди чистаго моря остаются одни не омытыми волнами прогресса. Какъ будто волны культурнаго океана все еще не достигаютъ вершины этихъ горъ, и современные мусульмане среди культурныхъ народовъ попрежнему остаются чуждыми благъ цивилизаціи и попрежнему стоятъ въ умственномъ развитіи много ниже своихъ опередившихъ братьевъ-европейцевъ.

Чему приписать эту особенную черту? указать на вліяніе религіи? Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ въ ученіи Ислама не пмѣется на это никакихъ данныхъ. Напротивъ, мы находимъ много указаній на поощреніе къ пополненію знаній и приобрѣтенію полезныхъ свѣдѣній. «Знаніе есть жизнь Ислама» (эль-ильму-хаятуль-исламъ) говоритъ его ученіе.

Нѣтъ религіи, которая бы стояла такъ близко къ жизни, какъ Исламъ. Докматы его ясны и понятны. Кодексъ морали его полонъ, обширенъ, обработанъ сообразно съ потребностями жизни. Соціальные законы его совмѣстимы съ задачами общежитія. Признаніе Корана за трудомъ свя-

*) Обращаемъ здѣсь вниманіе читателя на движеніе противъ алкоголизма, охватившее теперь всю Европу. Въ Исламѣ этотъ вопросъ рѣшенъ, и врядъ ли можно спорить, что въ этомъ отношеніи положеніе мусульманъ много завиднѣй, чѣмъ европейцевъ, не говоря уже объ англичанахъ, культивирующихъ употребленія опія въ Китаѣ.

щеннаго значенія любопытно сопоставить съ современной трудовой теоріей экономистовъ; принципъ Ислама—предоставленіе права владѣнія потрудившемуся (ихъяуль-амвать)—равно спльному государственному поощренію промышленности. Въ этомъ отношеніи соціальные законы Ислама можно назвать демократическими.

Нравственное его ученіе объемлетъ и вмѣщаетъ въ себѣ всѣ нравственныя ученія до него существовавшія. Строгій принципъ правды былъ путеводною звѣздою Мухаммеда въ его отношеніяхъ къ другимъ религіямъ. Въ силу этого Коранъ признаетъ всѣхъ великихъ подвижниковъ, призывавшихъ людей къ Богу и добронравію съ ихъ ученіями, называетъ ихъ не иначе, какъ пророками, посланцами отъ Бога. Аньбія Расулъ, Ной, Авраамъ, Исаія, Іоаннъ, Моисей и Іисусъ Христосъ, Нохъ, Ибрахимъ, Ашья, Яхья, Айса и всѣ упомянутые въ Коранѣ учителя (29) признаны съ своими священными добродѣтелями, а ихъ ученія считаются святыми, божественными и правдивыми.

Въ силу этого-же, первая проповѣдь съ каѳедры священнаго храма началась призывомъ къ правдѣ, справедливости, благовоздержательности. «Богъ повелѣваетъ вамъ быть справедливыми, праведными и благотворителями» (инналлаха-яумерекемъ-билъ-адъли-валъ-ихсанъ) — сказалъ халифъ Омаръ въ своей каѳедральной проповѣди; «не совершенна вѣра мусульманина, пока онъ не полюбитъ брата, какъ самаго себя» — влагаетъ преданіе въ уста Мухаммеда.

Едва-ли справедливо при анализѣ какой бы то ни было религіи относить все хорошее подражательности, а все дурное ставить въ вину вѣроученія. Развѣ можно ужасы инквизиціи поставить въ вину христіанству — ученію о

своеобъемлющей любви къ людямъ-братьямъ? Законы бракоразводѣ поражаютъ своею жизненностью и не только сообразно съ условіями того времени не заслуживали-бы порицанія, но даже и теперь нѣкоторыя положенія могутъ быть смѣло приняты нами.

Нельзя смѣшивать деспотическіе подвиги нѣкоторыхъ фанатиковъ-правителей съ ученіемъ Ислама и его истиннымъ духомъ. Какъ въ религіи, такъ и въ гражданской жизни большинство злоупотребленій происходятъ отъ личныхъ качествъ недостойныхъ сыновей.

Законы хороши, но дурныхъ людей всетаки много. И если культурнымъ сыновьямъ запада не помѣшали инквизиція и другія извращенія высокогуманнаго ученія Христа дойти до истиннаго понятія міровой культурной задачи, почему же темныя точки исторіи магометанства создадутъ непроходимую стѣну сынамъ востока на пути прогресса.

Было бы очень ошибочно думать, что религія Ислама заключаетъ въ себѣ духъ отчужденія и вражды къ христіанству и его культурѣ.

«Духъ Божій, Слово Божіе» (рухуллахъ кялимятуллахъ)—говоритъ о Христѣ Коранъ. А для установленія правды на землѣ (второе пришествіе, по христіанскому ученію) ожидается Іисусъ Христосъ какъ христіанами, такъ и мусульманами, Евангеліе считается третьей изъ небесныхъ книгъ. Все это ясно доказываетъ, что Мухаммедъ не былъ врагомъ христіанства. Если-же въ его ученіи встрѣчаются иногда сильныя эпитеты, какъ-то: невѣрные-кяфиръ и т. п. по адресу не-магометанъ, то это не доказываетъ еще враждебности Корана къ инымъ исповѣданіямъ и ихъ ученіямъ. Они скорѣе вызваны поступками вообще дурныхъ людей и прилагались какъ къ послѣдователямъ

Ислама, такъ и къ не магометанамъ безъ различія исповѣданія; одинаково—и къ недостойнымъ магометанамъ и къ христіанамъ, евреямъ и другимъ; такіе люди въ Коранѣ называются недостойными именами, смотря по ихъ поступкамъ. Такъ кяфиръ—это не вѣрующій заповѣдямъ Бога, мунафикъ—лицемѣръ, фарисей, фасыкъ—безнравственный и т. п. Вотъ этихъ то людей, порицая ихъ поступки, Коранъ призываетъ къ заповѣдямъ Бога, предостерегаетъ Божьими наказаніями и общаетъ всѣмъ Божье милосердіе, если они одумаются.

Все это далеко отъ того, чтобы можно было сдѣлать заключеніе о враждебномъ направленіи Корана къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Да и въ каждомъ исповѣданіи необходимо порицаются отступники Божьихъ заповѣдей. Сказанныя же въ Коранѣ противъ такихъ отступниковъ предостереженія неправильно перетолковываются въ смыслѣ враждебности къ иновѣрческому ученію.

Дружескій характеръ ученія Корана ко всѣмъ предшествовавшимъ до него святымъ учителямъ ясно доказываетъ, что вражда къ другимъ исповѣданіямъ была чужда учителю Ислама, хотя противъ послѣдователей другихъ религій, до неузнаваемости отступившихъ отъ своихъ вѣроученій, и были посылаемы угрозы гнѣва Божія строгими карами. Но повторяемъ, подобныя-же угрозы посылались одинаково и мусульманамъ, не слѣдующимъ заповѣдямъ Корана. Такое отношеніе совершенно понятно со стороны человека, глубоко вѣрующаго въ единого Бога, убѣжденнаго въ своемъ вдохновеніи и не могшаго спокойно смотрѣть на ложь, невѣріе и другіе пороки людей.

III.

Едва-ли при настоящемъ настроеніи людей, живущихъ на земномъ шарѣ и готовыхъ вступить въ новый 20-й вѣкъ, говорить о религіи вообще и Исламѣ въ частности многимъ покажется интереснымъ. Характеръ образованности во всемъ мірѣ совершенно вытѣснилъ и изгналъ какъ стремленіе къ исканію Божественной истины, такъ и самое вѣрованіе.

Человѣкъ, если еще не успѣлъ превратиться въ совершеннаго атеиста, то несомнѣнно сталъ вполне индифферентнымъ ко всему, относящемуся до будущаго міра. Тотъ міръ кажется ему въ дали, въ туманѣ, мало различающимся отъ области фантазіи, соннаго царства.

Дитя современной цивилизаціи опьянено своимъ искусствомъ. Колоссальные мосты и сооруженія, воздвигнутые его рукою, покоренная имъ сила пара, электричество и другіе успѣхи отуманили его голову. Онъ настолько возгордился сознаніемъ своихъ поразительныхъ успѣховъ, что мнитъ себя единственнымъ господиномъ на землѣ и могучимъ властелиномъ вселенной. Онъ видитъ одну лишь силу—силу природы, уже побѣжденной и побѣждаемой его энергіей. Настроенный такимъ образомъ, въ погонѣ за удобствами собственной жизни, за роскошью и комфортомъ, онъ помнитъ лишь законъ неодоухотворенной природы—законъ борьбы за существованіе. Идеальные интересы, если о нихъ и нельзя сказать, что они исчезли совсѣмъ, получили весьма странное мѣсто въ культурной жизни. При такой неуравновѣшенности жизни человѣкъ мало интересуется религіей, онъ не хочетъ устроить на ея фундаментѣ свою жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что это переходная эпоха. Кризисъ бу-

детъ пережить. Религія получить всеобщее признаніе и должное ей значеніе въ культурной жизни, что и побуждаетъ насъ разсѣять тотъ туманъ, въ которомъ представляется ученіе Ислама не только среди европейцевъ, но къ сожалѣнію болѣе чѣмъ многихъ мусульманъ. Это совершенно необходимо, чтобы сдѣлать сознательный, а главное полезный и истинно культурный шагъ въ исторіи Востока.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Взглядъ Ислама на науки и культурный прогрессъ.

I.

1) Магометъ говорилъ: «Первое, что сотворилъ Господь—это разумъ». Всевышній послѣ творенія разума сказалъ: «О, разумъ, нѣтъ ничего лучше и красивѣе тебя, нѣтъ ничего почетнѣе тебя передо мною; тобою я буду познанъ, тобою прославленъ, тобою возмездіе, тобою вознагражденіе».

2) «О, люди, призывайте друзей вашихъ къ разуму, пополняйте вашъ разумъ. Съ нимъ вы узнаете, что угодно Господу и что преступно предъ нимъ».

Ибну-Аббасъ передаетъ слова Мухаммеда: «Для каждой вещи есть свое орудіе и приспособленіе; орудіемъ правовѣрнаго долженъ служить разумъ. На каждое путешествіе есть возница;—возница правовѣрнаго есть разумъ. На все есть своя опора; опорой правовѣрнаго долженъ быть разумъ. Для cadaго народа есть граница и цѣль,—цѣлью правовѣрнаго долженъ быть разумъ. На все есть поиски,—

поискомъ правовѣрнаго долженъ быть разумъ. Для каждаго путешествія есть конецъ; — концомъ пути правовѣрнаго долженъ быть разумъ (книга Ихьяуль-Улюмъ т. I, страница 69).

Собесѣдникъ Мухаммеда Анясъ передаетъ, что однажды въ общей бесѣдѣ сыпались похвалы по адресу одного дальняго араба. Когда Мухаммедъ, вмѣшавшись въ разговоръ, спросилъ: «Какого ума этотъ арабъ?» Пораженные страннымъ вопросомъ пророка, собесѣдники сказали: «О, пророкъ! Мы хвалимъ благочестіе, добрыя и богоугодныя дѣла того араба, ты же спрашиваешь о его умѣ». Тогда Мухаммедъ сказалъ: «Глупецъ по своей глупости иногда творить больше, чѣмъ испорченный, но возвеличенъ будетъ всякій по степени его разума».

Омаръ передаетъ, что пророкъ говорилъ: «Ничего лучшаго человѣкъ не могъ приобрѣсти, какъ превосходство разума, который направляетъ его къ добродѣтели и удерживаетъ отъ низкихъ поступковъ.

Нѣтъ совершенства въ вѣрѣ и нѣтъ стойкости, твердости и устойчивости въ религіи, когда не совершенствуется чело-вѣкомъ разумъ.

Мухаммедъ сказалъ: «Благонравіе возводитъ человѣка на одну вершину съ благочестіемъ, — съ чело-вѣкомъ проводившимъ дни свои въ посту и ночи въ молитвахъ, но благонравіе не будетъ совершенно, пока не усовершенствуется разумъ. Лишь затѣмъ достигнетъ полноты религія, покорность Богу, отвращеніе отъ искушенія сатаны». Бирабинъ-Газибъ передаетъ, что однажды бесѣда въ присутствіи Мухаммеда особенно отличалась живостью; сыпалось множество вопросовъ; между прочимъ здѣсь Мухаммедъ сказалъ: «Для каждаго путешествія имѣется своя дорога, а

дорога достойнаго мужа есть разумъ. Лучшій изъ васъ, достойный подраженія и отличающійся знаніемъ, есть тотъ, у кого превосходнѣе разумъ». (Книга Ихьяуль-Улюмъ т. I, стр. 69).

II.

Объ огромномъ значеніи знанія и наукъ (пльмъ) въ Коранѣ говорится:

1) «Господь Богъ возвысилъ тѣхъ изъ насъ, которые вѣрують, и тѣхъ, которымъ дано знаніе». (Глава 58, ст. 12).

Толкователь Корана собесѣдникъ Мухаммеда (Сахаба) Ибну-Аббасъ въ объясненіе этого стиха говоритъ: «Ученые надъ другими стоятъ на высотѣ 700 ступеней, а между каждой изъ ступеней цѣлая пропасть».

2) «Развѣ могутъ быть ученые одинаковы съ неучеными». (Глава 39, ст. 10).

3) «Эти притчи мы приведемъ людямъ, но ихъ поймутъ лишь люди разума, знанія, которые видятъ вещи въ надлежащемъ видѣ». (Глава 29, ст. 42).

4) «Милосердный научилъ человѣка Корану, сотворивъ человѣка, научилъ его говорить. (Глава 55, ст. 2 и 3).

Толкователь Корана «Казы» о значеніи этихъ стиховъ говоритъ: «Всевышній Господь Богъ этимъ самымъ даетъ знать, что люди должны быть благодарны Господу Богу за то, что онъ даровалъ имъ знаніе и даръ слова, благодаря чему они, передавая мудрыя мысли ученія, рѣзко отличаются отъ другихъ твореній. Разумъ, знаніе, даръ слова — эти три качества высшія блага, данныя человѣчеству».

III.

Въ преданіяхъ сохраняются слѣдующія слова Мухаммеда (хадисъ):

- 1) Ученые на землѣ наслѣдники пророковъ.
- 2) За ученаго молятся на небѣ и на землѣ.
- 3) Мудрость людей ученыхъ служить имъ украшеніемъ, а рабу открываетъ двери дворцовъ.
- 4) Ученый при обращеніи къ нему дѣлится съ другими своими познаніями, а когда мыслить одинъ, обогащаетъ себя.
- 5) Ученый есть свѣточъ, факель земли.
- 6) Вѣра—нага, одежда ея—благочестіе, красота ея—совѣсть; а наука—ея плоды.
- 7) Смерть цѣлаго племени (націи) меньше смерти ученаго.
- 8) Въ день суда перо ученыхъ возвысится надъ кровью мучениковъ.
- 9) Господь Богъ сказалъ Аврааму: «Я всезнающій люблю знающихъ».
- 10) Ученые превосходятъ богомольцевъ отшельниковъ, какъ разнится свѣтлая луна надъ звѣздами.
- 11) Кто въ погонѣ за счастьемъ этого суетнаго міра, тотъ ищетъ его въ торговлѣ; кто ищетъ блага въ мірѣ будущемъ, пусть ищетъ его въ благочестіи и келіи; кто-же желаетъ блага обою міра—пусть тотъ найдетъ его въ наукѣ.
- 12) Превосходство ученаго надъ богомольцемъ равно моему превосходству надъ однимъ изъ васъ.
- 13) Въ комментаріи этого преданія (Имамъ Газали)

говорится: «Достойно вниманія, что знаніе ставится на виду съ Божественнымъ вдохновеніемъ, пророчествомъ».

14) Только два рода людей среди монаховъ послѣдователей заслуживаютъ зависти: мужъ одаренный научнымъ знаніемъ, которымъ дѣлится на пользу человѣчества, и богачъ, тратящій свое состояніе на пользу своихъ братій.

15) Два рода людей среди монаховъ послѣдователей заслуживаютъ особаго значенія. Отъ ихъ достойнаго поведенія зависить благосостояніе и добронравіе общества; хороши они—хорошо и общество, дурны они—дурно и общество это, власть и ученые.

IV.

Халифъ Али говорилъ своему другу Кемплю: «О Кемпль, знай, что наука выше благъ богатства. Наука владѣя тобою, наблюдаетъ за тобою; богатство-же, хотя и подѣ властью твоею, нуждается въ постоянномъ наблюденіи за собой. Наука — судья надъ вещами. Имущество уменьшается отъ пользованія, наука-же наоборотъ по мѣрѣ пользованія лишь увеличивается.

2) Сподвижникъ пророка Ибну-Аббасъ говорилъ: «Богъ предоставилъ на выборъ царю Соломону мудрость, богатство, царство; онъ избралъ первое и благодаря этому овладѣлъ и остальнымъ».

3) Фатхль-Мусыли говорилъ: «Развѣ можетъ жить больной лишенный пищи и леченія? Тоже самое и разумъ; если лишить его духовной пищи — знанія, онъ не проживетъ и трехъ дней».

4) Передаютъ, что Суфьянусеври прибылъ въ городъ

Аскыланъ, прожилъ нѣсколько дней и сталъ собираться уѣхать. Когда его спросили о причинѣ такого неожиданнаго отъѣзда онъ сказалъ: «Вотъ прошло уже нѣсколько дней, а никто изъ обывателей этого города не поинтересовался пріѣздомъ ученаго и никто не пришелъ ко мнѣ за рѣшеніемъ какой-либо научной задачи. Городъ этотъ мертвъ и мѣсто это — пагуба науки.

5) Передаютъ, что Али однажды зашелъ къ Самаду-бину-Мусыли Белхи и засталъ его плачущимъ, спросилъ о причинѣ его печали. Самадъ отвѣтилъ: «Нѣтъ никого здѣсь, интересующагося наукой, который-бы пришелъ ко мнѣ рѣшать какія либо научные вопросы.

6) Хасанъ говорилъ: «Если-бы на землѣ не было ученыхъ, то люди не отличались бы отъ животныхъ. Благодаря своимъ знаніямъ и ученію люди различаются отъ нихъ».

(Книга Ихъяуль-улюмъ т. I ст., 69).

Не касаясь вопроса о фатализмѣ, якобы присущаго Исламу—вопроса слишкомъ спеціального, мы вкратцѣ замѣтимъ слѣдующее: нигдѣ Шаріатъ не выступаетъ противъ требованій разума и науки. Даже тамъ, гдѣ у многихъ является соображеніе «отъ судьбы не уйдешь». Шаріатъ предписываетъ принимать раціональныя мѣры къ огражденію себя. Напримѣръ мы сошлемся на противоэпидемическія мѣры, указываемыя Шаріатомъ *). Да и общій

*) Вотъ данныя Шаріата относительно предохраненія отъ чумы (Тагунъ) и холеры (Ваба): не толкайте самихъ себя вашими-же руками въ гибель (Коранъ гл. II, ст., 191).

Хадисъ-преданіе. Абдурахманъ говоритъ отъ имени Мухаммеда: «Тагунъ (чума) есть мука, если услышите о ея свирѣпствованіи въ какой-нибудь странѣ, то не вступайте въ эту страну, а равно, если она за-

характеръ мусульманскаго законодательства, вникающаго подчасъ въ сущія мелочи человѣческой жизни, слишкомъ ясно показываетъ, что фатализмъ чуждъ Исламу.

стигла васъ на мѣстѣ, то не убѣгайте изъ этого мѣста» (Хадими т. 2 стр. 1674).

Асаме-ибну Заидъ передаетъ также отъ имени Мухаммеда: «Если Вы услышите, что въ какой либо землѣ чума или холера, то не входите въ эту землю, а равно и не убѣгайте изъ этой земли» (Аліуль-Кары т. 1, стр. 141).

При обсужденіи о мѣрахъ предосторожности при повальныхъ болѣзняхъ лучшей иллюстраціей воззрѣній Ислама на этотъ вопросъ можетъ служить слѣдующее событіе, случившееся въ одномъ изъ походовъ халифа Омара. Выступивши изъ Медины халифъ остановился на бивуакѣ въ мѣстечкѣ подъ названіемъ «Джабья», лежащемъ на пути въ Сирію (Шамъ), и здѣсь до его свѣдѣнія дошло, что въ Сиріи свирѣпствуетъ чума, сопровождающаяся большой смертностью. Въ лагерь халифа произошло большое смятеніе. Возникло разногласіе; весь лагерь раздѣлился на двѣ партіи: одни требовали продолжать походъ и не боялись чумы, говоря, что судьба неизбѣжна, порицая другихъ въ трусости и желаніи избѣжать судьбы и смерти; а другіе, напротивъ, требовали вернуться обратно въ Медину, ссылаясь при этомъ на слѣдующее изреченіе Корана: не толкайте самихъ себя въ гибель (гл. II, стр. 191).

Узнавши обо всемъ этомъ, халифъ собралъ совѣтъ; въ совѣтѣ рѣшили, не вступая въ Сирію, вернуться обратно въ Медину. Когда противники возразили ему, неужели вы желаете избѣгнуть судьбы Божіей (Кадариль-Лахи), то Омаръ отвѣчалъ: «Да, мы бѣжимъ отъ судьбы къ судьбѣ,—и не войдемъ въ городъ, гдѣ свирѣпствуетъ чума, а возвращаемся обратно» (книга Ихъян-Улюмъ Линимамуль-Газали, томъ 4-й стр. 225).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Краткій историческій очеркъ культуры Ислама.

I.

Какъ извѣстно, арабы до появленія Ислама не отличались никакими познаніями, у нихъ не было литературы, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ произведеній устной поэзіи, почему періодъ этотъ арабскими историками называется періодомъ невѣжества (замануджахилятъ).

Аравійскій полуостровъ (аль-джазиретуль - арабъ) представлялъ изъ себя голую каменистую пустыню, бѣдную постройками и еще болѣе бѣдную растеніями. Горячій песокъ, знойное солнце располагали лишь къ тоскѣ кочевниковъ-бедуиновъ. Терпѣливый верблюдъ, холодная вода Ефрата—вотъ все содержаніе пѣсней араба того времени. И вотъ въ этой странѣ, никогда не интересовавшей ни любознательнаго путешественника, ни гордаго завоевателя, является человѣкъ съ религіознымъ вдохновеніемъ, и все измѣняется.

Тишина уступаетъ мѣсто кипучей жизни, духовно-нравственное состояніе жителей быстро поднимается до за-

мѣчательной высоты: соціальный бытъ прогрессируетъ, рабство смягчается, провозглашается всеобщее равенство, являются примѣры самопожертвованія личнаго блага общей пользѣ, великодушной благотворительности, неограниченнаго милосердія. И все это воплощается въ религіозно-государственномъ законодательствѣ, ополчившемся на пороки, укоренившіеся у арабовъ: грабежъ, набѣги, ложь, обманъ, нищенство, убійство, коварство и т. д. Съ другой стороны это законодательство широко обѣщало награды за добродѣтель и милость Божью за праведную жизнь.

Грубые дикіе инстинкты уступили мѣсто болѣе мягкимъ человѣческимъ нравамъ. Новыя идеи дали толчекъ новой жизни. Провозглашенное Мухаммедомъ всеобщее обязательное обученіе (эль-ильмуфаризатунъ) и особое значеніе, усвоенное имъ земледѣльческому труду, какъ основанію земельной собственности (зираатъ), а также признаніе труда вообще (кясебъ), ремесла и искусства священными — породило среди арабовъ охоту къ культурной осѣдлой жизни. «Господинъ земли тотъ, кто даетъ ей жизнь, т. е. оживляетъ ее» (ихьяу-амьватъ). Этотъ принципъ далъ сильный толчекъ къ обработкѣ земли и осѣдлости.

Правда, трудно было привязанному къ кочевой жизни въ пустынѣ бедуину разстаться съ безпечной свободой дикаря, но тѣмъ не менѣе реакція началась и шла тѣмъ энергичнѣй, что происходила на религіозной почвѣ. Явилось стремленіе къ концентраціи въ городахъ. Медина становится центромъ Ислама. Затѣмъ появляются и начинаютъ возвышаться другіе города. Такъ во время халифа Омара въ 23 году Гиджры получаютъ особое значеніе города Куфа и Басра, имѣвшіе стратегическое и торговое значеніе на границѣ съ Ираномъ. Въ началѣ II-го вѣка, по

мѣръ расширенія владычества Ислама, Куфа, Басра, Багдадъ занимають все болѣе и болѣе блестящія мѣста. Они имѣють множество училищъ, университетъ (бейтуль-хикметъ—домъ мудрости), а Багдадъ становится всемірнымъ городомъ. Въ немъ болѣе милліона населенія, до 12 тысячъ училищъ, обширнѣйшая библіотека, большая обсерваторія и прочіе признаки высоко культурной жизни. На экономическихъ признакахъ культурности этихъ городовъ не останавливаемся.

На западѣ омаядскіе халифы также не отстають отъ иракскихъ-абасидскихъ халифовъ. Въ Андалузіи (Энделесъ) резиденціей халифа становится городъ Кордова (Картаба). Онъ быстро занимаетъ выдающееся положеніе и своими своеобразными постройками, своимъ оригинальнымъ мавританскимъ стилемъ претендуетъ на всемірное первенство. Изъ этихъ замѣчательныхъ архитектурныхъ созданій лучшіе образцы и теперь обращаютъ особое вниманіе знатоковъ искусства, и современные европейскіе музеи не мало отводятъ мѣста мавританской эпохѣ.

Такимъ образомъ во время халифа Абдурахмана столица его Кордова (Картаба) достигаетъ удивительнаго благоустройства. Въ столицѣ болѣе милліона жителей, государственные доходы стояли выше всѣхъ другихъ государствъ Европы; самый городъ имѣлъ 200 училищъ, 500 мечетей, 300 бань, библіотеку съ 600.000 книгъ. По берегамъ рѣки тянулись фабрики, заводы, прелестные сады. Городъ утопалъ въ цвѣтахъ и съ чуднымъ небомъ Андалузіи представлялъ замѣчательный уголокъ земного шара. Дворецъ, знаменитая Альгамбра (Альхобра), и множество мечетей съ минаретами въ мавританскомъ стилѣ давали городу волшебный видъ.

II.

Если мы взглянемъ на исторію умственнаго развитія аравитянъ, то мы увидимъ, что въ самую раннюю юность Ислама Коранъ и Сунна идутъ рука объ руку съ другими духовными интересами и любознательностью въ сферѣ наукъ.

Еще не успѣли аравитяне укрѣпить своего новаго ученія и побѣдить встрѣтившуюся на его пути массу внутреннихъ и внѣшнихъ препятствій, отразить нападенія враговъ, въ десять разъ сильнѣйшихъ государей, они уже въ самомъ началѣ II вѣка берутся за науки.

Математика и особенно алгебра, философія, астрономія и проч.—все безъ исключенія интересуетъ ихъ. Въ короткій періодъ изъ ученыхъ трудовъ различныхъ сферъ знанія образовалась цѣлая литература, достойная украсить любую библіотеку Европы. Халифъ Абуджаафаръ приказалъ перевести книгу «таалимъ» и въ переведенномъ видѣ послалъ ее греческому императору; отъ него онъ въ свою очередь получилъ знаменитый трактатъ Эвклида (Аклидусъ) и еще нѣсколько книгъ по математикѣ и естественнымъ наукамъ. Послѣ ознакомленія съ этими книгами интересъ къ наукѣ поднялся еще выше.

Содержаніе Евклида настолько увлекло аравитянъ, что перевести этотъ трактатъ на арабскій языкъ сразу берутся три ученыхъ: Хаджажъ-бину-Юсуфъ, Хоненъ-бину-Исхакъ и куфіецъ Сабить-бину-Кара. Благодаря ихъ труду являются сразу три перевода.

Любовь къ наукѣ такъ стала расти, что одинъ изъ переводчиковъ Хоненъ-бину-Исхакъ, несмотря на свое хри-

стіанское вѣроисповѣданіе, дѣлается приближеннымъ халифа (альмутевеккель-биллахъ). Халифъ назначаетъ его своимъ лейбъ-медикомъ, затѣмъ поручаетъ ему переводить разныя книги съ греческаго языка на арабскій и сирійскій. Самъ халифъ рекомендуетъ ему помощника Стефана сына Василия, также христіанина, и поручаетъ имъ составить цѣлую корпорацію переводчиковъ. Муса-бину-Халибъ, Яхья-бину-Ади также входятъ въ ихъ составъ. Они переводятъ знаменитые трактаты Бократа-Иппократа и Джалиануса-Галіена.

Самъ Хоненъ, любимецъ халифа, раньше нарочно ѣздилъ въ Басру и изучалъ тамъ нѣсколько лѣтъ всѣ тонкости арабскаго языка у извѣстнаго ученаго Имама Халила-бину-Ахмеда.

Окончивши свои занятія въ Басрѣ, онъ переселяется въ Грецію и тамъ основательно изучаетъ греческій языкъ; послѣ чего и удостоивается приглашенія халифа.

III.

Халифъ Маамунъ, самъ человекъ очень свѣдущій въ наукѣ, былъ душею образованности своего времени. Онъ часто переписывался съ греческимъ императоромъ, посылалъ ему арабскіе переводы произведеній индійской словесности, самъ получалъ отъ императора лучшія произведенія византійской мысли и тотчасъ-же приказывалъ переводить ихъ на арабскій языкъ. Въ короткое время столько было переведено индосирійскихъ и греческихъ книгъ, что интересъ къ наукѣ принялъ замѣчательные размѣры, число читающихъ книги и занимающихся науками росло

не по днямъ, а по часамъ, явились ученые, нашедшіе себѣ многихъ послѣдователей и широкую популярность. Ихъ ученія имѣли отчасти оригинальный характеръ, отчасти были плодомъ европейской мысли. Можно сказать, что вся наука Греціи перешла въ Аравію и дала сильный толчекъ арабамъ къ научнымъ интересамъ. Такимъ образомъ эпоха Маамуна была эпохою расцвѣта арабійской учености.

Изъ ученыхъ арабовъ того времени особенно пользовались извѣстностью: Якубъ-бину-Исхакъ, Абу-юсуфъ-Элькинди.

Отличаясь большими аналитическими способностями, эти философы извѣдали всю глубину индійской, фарсской и греческой науки; они оставили послѣ себя до двухсотъ трактатовъ, касающихся различныхъ предметовъ; ихъ-же современникомъ является не менѣе славный ученый — Коста-бину-Лука (жилъ въ Сиріи — въ Багдадѣ) онъ переводилъ много книгъ на арабскій языкъ: по медицинѣ, математикѣ, философiи, а также не мало написалъ самостоятельныхъ сочиненій. Замѣчателенъ фактъ, что онъ былъ христіаниномъ и не смотря на это былъ такъ уважаемъ, что, послѣ его смерти и торжественнаго погребенія, ему былъ поставленъ грандіозный памятникъ, по величію своему не уступавшій царскимъ гробницамъ.

Изъ другихъ выдающихся ученыхъ арабовъ того времени въ Иракѣ отмѣтимъ: Фараби и Абу-али-сина, (Авицина), послѣ нихъ остались сотни сочиненій, касающихся всѣхъ отраслей науки. Абассидскій халифъ Муктадиръ осыпалъ ихъ своими милостями и щедро одарилъ Фароби.

На Западѣ (Магрибъ) Исламъ также горячо отдается наукѣ и не отстаетъ отъ Востока. Среди многихъ просвѣ-

ценныхъ науками своего времени мусульманъ-маврисянъ наиболѣе крупными учеными являются Ибну-рушда (Авир-роисъ) и Ибну-Салкъ. Ибну-рушда родился въ Испаніи въ гор. Картаба (Кордова) въ 520 году и умеръ въ гор. Маракешъ (Морокко) въ 590 году. Онъ оставилъ послѣ себя до 60 сочиненій, трактующихъ главнымъ образомъ о математикѣ, философій, медицинѣ и друг. Извѣстно, что нѣкоторыя его сочиненія проникли въ Римъ и настолько показались опаснымъ папѣ, что тотъ приказалъ ихъ сжечь. На Востокъ Фарби, на Западъ Ибну-рушда были названы послѣ Аристотеля вторыми учителями (Эль-муаллимуссани), т. е. вторыми Аристотелями *). Фатмиды въ Египтѣ, Омайяды въ Испаніи, Аббасиды въ Басрѣ и Багдадѣ соперничали между собою въ покровительствѣ ученымъ, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія.

Слѣдуетъ замѣтить слѣдующій важный фактъ, который можетъ и долженъ быть поставленъ въ заслугу аравитянамъ. По обычаю ли или по другимъ условіямъ—вся ученость въ Индіи и Фарсѣ была сосредоточена въ рукахъ духовенства или отшельниковъ и носила замкнутый характеръ. Обладатели ея дорожили своими познаніями какъ драгоцѣннымъ сокровищами, монополизировали ихъ и не выпускали книжной мудрости изъ своихъ рукъ. Какъ скрытый талисманъ они берегли свои тетради отъ чужаго ока, поэтому индійскія и фарсскія науки, совершенно невѣдомыя за предѣлами своей территоріи, должны были-бы погибнуть. Благодаря только завоеванію арабами Фарса и сосѣдству съ Индіей многія сочиненія и рукописи по разнымъ наукамъ были вывезены въ Аравію, гдѣ уже были

*) Абу-адисина, названный третьимъ учителемъ (эль-муаллимуссалисъ), умеръ въ Хамаданѣ въ 428 году.

знатоки, интересующіеся наукой и ученіемъ философовъ. Ими эти рукописи и были обработаны, распространены и переданы потомству.

Не менѣ важна заслуга арабовъ и по передачѣ, сохраненію и развитію древне-греческой науки Европѣ въ ея первоначальной чистотѣ. По раздробленіи монархіи Александра Великаго на различныя государства послѣ смерти Александра, всѣ государи старались собрать остатки греческой науки. Особенно прославились этимъ правители Египта — Птоломеи: они ревностно собирали греческія науки въ Египтѣ, приглашали греческихъ философовъ, основывали училища, библіотеки. Особенно выдѣлялось грандіозное Александрійское училище; оно имѣло множество книгъ, почему и было названо музеумомъ.

Мы видимъ здѣсь странное міровое движеніе науки. Вотъ какъ образно описываетъ это арабскій историкъ Ибну-Хальдунъ: въ Индіи красавица наука не снимала своей чадры и лишь избранные удостоивались ее видѣть въ ея индійскомъ уборѣ, оттуда съ той же таинственностью она переходитъ въ Вавилонъ и Египетъ и мѣняетъ нарядъ на платье новой родины. Въ Греціи только снимаетъ она съ себя свое покрывало и является открытой для всякаго ищущаго ее, но не долго была она въ тогѣ афинской красавицы. Достигнувъ расцвѣта своей греческой красоты, она падаетъ съ македонской монархіей и съ богатымъ наслѣдіемъ грековъ переходитъ въ Египетъ, свое прежнее пепелище.

Затѣмъ Иракъ сталъ ея новой родиной, въ Багдадѣ она нашла новый Вавилонъ, а въ аравитянахъ своихъ ревностныхъ поклонниковъ. Пребываніе этой аравитянки здѣсь было если не такъ велико, то замѣчательно плодотворно.

Вотъ и Ираку она измѣняетъ и направляетъ свой царственный путь къ Западной Европѣ. И тамъ нашла она современный Вавилонъ, но долго-ли останется въ немъ и гдѣ ея дальнѣйшій путь?

IV.

Но судьба обидила арабовъ; она послала на нихъ грубыхъ и свирѣпыхъ потомковъ Магула. Какъ саранча обрушились они своей ордой на Багдадъ и опустошили все въ одну ночь; годами возвращенный и лелѣянный садъ опустошили въ одну ночь.

При этомъ завоеваніи Багдада Хелеку разрушилъ весь городъ, убилъ халифа Мустаасимъ-Билляхъ со всей его семьей, разрушилъ всѣ училища, библіотеки и т. д. Милліоны разныхъ книгъ, собранныхъ въ Багдадѣ, были брошены въ рѣку Дежля. Историкъ здѣсь говоритъ, что по книгамъ, какъ по мосту, можно было перейти рѣку. Нѣсколько дней рѣка не могла унести своимъ теченіемъ всей массы книгъ. Природа была болѣе жалостлива къ трудамъ предшествовавшихъ поколѣній, чѣмъ человѣкъ.

Ударъ былъ слишкомъ силенъ, и арабы не могли оправиться послѣ него. Впрочемъ вскорѣ пришли новые завоеватели, и къ нимъ по праву перешло абассидское наслѣдіе.

Турціи пришлось стать преемниками и продолжителями арабской культуры и надлежало бы своими трудами подвинуть начатую аравитянами хорошо развитую государственность и общественную жизнь; но исторія здѣсь говоритъ другое.

Трудно судить почему: военные ли событія (крестовые походы и проч.) или иные политическія осложненія, главнымъ образомъ борьба съ мелкими азіатскими владѣтелями, но только наслѣдники славнаго Багдада долго не могли взяться за дѣло славныхъ халифѡвъ, и вотъ мы видимъ длинный періодъ застоя.

V.

Арабскіе ученые свои науки располагали въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Правильное чтеніе Корана (пльмуку раатуль-коръанъ). Въ первыя времена, при жизни Мухаммеда Коранъ не писался, а сердце вѣрующаго сохраняло священныя слова. Каждый изучалъ наизусть столько стиховъ, сколько ему позволяла память. Съ удаленіемъ отъ времени Мухаммеда, очень скоро явилась потребность сохранить въ первоначальной чистотѣ произношеніе словъ Корана; тогда и явилась наука о правильномъ чтеніи и произношеніи словъ Корана (пльму-кыраату-коръанъ). Лучшими изслѣдователями явились семь спеціалистовъ и особенно цѣнныя сочиненія оставили двое изъ нихъ: Муджахидъ и Абу-Амеръ.

2. Толкованіе Корана (ильмутъ-тефсиръ). Въ виду встрѣчающихся противорѣчій въ Коранѣ, ставящихъ иногда въ затрудненіе вѣрующихъ и порождающихъ недоумѣніе, явилась потребность въ толкованіи такихъ темныхъ мѣстъ сообразно съ событіями и мотивами вызывавшими появленіе того или другого откровенія. Первымъ комментариемъ такого рода явился трудъ Тыбри, Имама-Вакиды

и Саалеби, а позднѣйшимъ Хаварземскаго ученаго Имама Зипмахшари, названный «Тефсеру-кяшшафъ», «Казы-бизави» и имама Фахрурази-тефсеру-кябиръ» и множество другихъ.

3. Собраніе изреченій Мухаммеда и преданій о жизни пророка (Хадисъ). Оно явилось также въ силу желанія сохранить изреченіе Мухаммеда для цѣлей современнаго вѣроученія. Такъ появились сборники преданій о Мухаммедѣ и его изреченія. Лучшими изъ нихъ являются: Сахиху-Бухари и Сахиху-Мюслимъ, вмѣщающіе въ себѣ по 9200 хадисовъ.

4. Послѣ этихъ богословскихъ наукъ идутъ науки свѣтскія—языковѣдніе. По мѣрѣ разширенія литературы становилось необходимымъ изученіе языка. Особенно необходимость его стала замѣтна среди фарсовъ (аджамидовъ) и другихъ иноплеменныхъ арабамъ народовъ. Стали заниматься обработкой лексикологій, грамматики, риторики, словесности, изящной литературы (Ильму-логать Сарфъ, Наху, Баянъ, Белегать, Бедіа и проч.).

Явилась обширная литература съ тысячами сочиненій и учеными трактатами, позднѣе явились сочиненія по догматическому богословію, юриспруденціи (Ильму-усулюль-фикехъ, валь-фругъ), метафизикѣ (ильмуль, кялемъ, валь-хіаъ), энциклопедіи наукъ (джаваміуль улюмъ), философіи (фальсефіаъ). А во II-мъ вѣкѣ уже возникаютъ дедуктивныя науки (улюмуль-акліаъ) и математика (ильмуриазы) достигаетъ скоро замѣчательнаго развитія.

Въ западной Аравіи лучшими сочиненіями являлись «Китабу-Касырь», «Тельхисъ», «Рафъуль», «Хиджабъ», въ восточной Аравіи также имѣлось много переводовъ и сочиненій.

5. По алгебрѣ (Ильму-джебръ) первыми сочиненіями явились труды Хаварземскихъ ученыхъ Абукамля и Шуджаа-бину-Аслема; лучшимъ-же сочиненіемъ по алгебрѣ считается сочиненіе послѣдняго «Книга о 6-ти задачахъ» — Масаилу-Ситте, а лучшимъ комментаторомъ ея Али-бину-Ахметъ, Эль-имране-Альмусыли, умершій въ 344 г., также писалъ въ упомянутой книгѣ.

6. Геометрія (Ильму-хендесе). По математикѣ первое сочиненіе, переведенное съ греческаго на арабскій языкъ, была книга Евклида (аклидусъ); это было сдѣлано при Джаафарѣ Ходжажемъ-бину-Юсуфомъ и Сабитъ-бину-кара. Лучшею книгою о плоскостяхъ и тѣлахъ считается составленная потомками Шакира—тремя братьями, которые специально съ этой цѣлью отправились въ Грецію и достигли высшаго образованія по геометріи и астрономіи. Старшій Абу-джаафаръ явился большимъ авторитетомъ по геометріи, арифметикѣ и астрономіи, а средній Мухамедъ обладалъ, такъ сказать, вдохновеннымъ даромъ таланта въ тонкостяхъ геометрическихъ построений.

7. Астрономія (Ильму-хайать). Лучшими книгами по астрономіи у древнихъ были греческія книги Птолемея «Муджессать», Матывына, Вавъ-Кетмивана, а спустя 200 лѣтъ Ибрахся, учившійся на островѣ Родосѣ у халдейцевъ оставилъ сочиненіе «Секретъ звѣздъ» (асрарун-нуджумъ). Всѣ эти книги были переведены арабами.

Халифъ-Маамунъ пригласилъ ученыхъ: Аббаса-бину-Саида, Сеидъ-бину-Алія, Халида-бину-Абдуль-Малика и Яхъя-бину-Али-Мансура и поручилъ имъ обработку науки астрономіи. Въ 215 году въ гор. Богдадѣ была выстроена обсерваторія, для наблюденія за небесными явленіями; усп-

ліями этихъ же астрономовъ была устроена другая обсерваторія въ Дамаскѣ на горѣ.

Это были первые магометанскіе астрономы. Лучшимъ астрономомъ Ислама считается Мухаммедъ-бину Джаббаръ, Эль-Хирани, извѣстный своимъ прозвищемъ Баттани. Кромѣ того славился также астрономъ Хасанъ-бину-Ахмедъ-бину-Якубъ, Эль-хамдане (умеръ въ 317 году).

Во время халифата Мюлькю-Аздулдаветъ въ Багдадѣ среди арабовъ замѣчается большой интересъ къ астрономіи. Сынъ Халифа Шарафуддаветъ поручилъ ученому Абу-Сехлю-гюхи устроить въ саду своего дворца обсерваторію, и въ 378 году при собраніи всѣхъ ученыхъ улимовъ знатныхъ вельможъ и другихъ желающихъ было торжественное открытіе ея. Директоръ давалъ публичныя объясненія, и былъ составленъ актъ наблюденія вступленія солнца черезъ 4 часа послѣ восхода въ созвѣздіе Мизанъ, Вѣсы. Подъ составленнымъ при этомъ актомъ подписались лучшіе ученые: Казы-Абу-Бикеръ, Казы-Абуль-Хасанъ, Эль-Хаварзми, Абу-Исхакъ, Ибрагимъ-абу-Саидъ, Эль-фазыль-бину-булисъ анносрани и директоръ Абусехель вйичинъ-бину-Вустимъ, знатокъ геометріи и геодезіи Абу-Хамидъ бину-Мухаммедъ-Ассаганъ и Абульхасанъ-Элмагрыби. По астрономіи также много сочиненій оставилъ Ибну-Омаръ-абу-маамори Эль-бельхи «о движеніи звѣздъ» (ильму-зичъ).

8. Географія (джеарафія). По части географическихъ изслѣдованій особенно славился Идриси. Кромѣ того большую извѣстность и цѣнность даже для нашихъ дней имѣетъ трудъ Эльбаттани: описаніе поверхности земли, климатовъ и городовъ различныхъ странъ.

9. Естественныя науки и медицина. При Маамунѣ переведены сочиненія Аристотеля, между прочимъ по есте-

ствознанію. Крім того арабамъ были извѣстны и труды Гиппократа и др. Лучшимъ спеціалистомъ по естествознанію считается Авицина (Абу-алисина). Его сочиненія по естественной исторіи: «Шифа», «Наджатъ», «Ишаратъ». Къ нимъ написаны толкованія Фахруразы, Амидіи и Насриддинъ-этъ-тусы. Арразы считается лучшимъ арабскимъ медикомъ. Онъ издалъ до ста сочиненій и усердно занимался улучшеніемъ Багдадскихъ больницъ. Умеръ въ 320 году. Въ Андалузіи прославились медики Ибну-рушда и Ибну-захеръ.

Упомянемъ въ заключеніи, что по музыкѣ (эльму-мусыки) арабы заимствовали многое изъ фарсской и индійской культуры и сами не пренебрегали музыкальными занятіями. Извѣстно, что современная музыкальная гамма родиною своею имѣетъ Индію. Оттуда чрезъ Иранъ, а затѣмъ чрезъ арабовъ она была передана въ Европу, гдѣ въ XI в. итальянскимъ монахомъ по имени Артыномъ была установлена скала тоновъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О мнимомъ фанатизмѣ Ислама.

I.

Широкая терпимость Корана къ ученію иновѣрныхъ исповѣданій не нуждалась бы въ объясненіи, если бы люди были знакомы съ содержаніемъ Корана въ его подлинномъ видѣ. Но къ сожалѣнію не только духъ Ислама многимъ представляется въ извращенномъ видѣ, но даже многіе мусульмане не знакомы съ подлиннымъ ученіемъ Мухаммеда. Огромная часть мусульманскаго міра не усвоила духа ученія Корана и придерживается только легкихъ наружныхъ обрядовъ религіи. Поэтому мы и принуждены дать нѣкоторое объясненіе объ отношеніи Корана къ другимъ исповѣданіямъ. Этимъ думается, отстранится само собою ложное представленіе о фанатизмѣ и нетерпимости Ислама къ инымъ вѣрамъ.

Вотъ что говоритъ Коранъ:

Гл. 2. Стихъ 81-й. Мы дали Моисею книгу закона и повелѣвали чрезъ другихъ посланниковъ ей слѣдовать. Мы дали

Иисусу, сыну Маріи, явныя знаменія (его посланничества) и укрѣпили его духомъ святости. Всякій разъ, когда посланный (отъ Господа) приносилъ вамъ откровеніе, если онъ не льстилъ вашимъ страстямъ, вы исполнялись гнѣва; вы однихъ считали лжецами, другихъ убивали.

Стихъ 59-й. Навѣрно тѣ, которые вѣрують, и тѣ, которые слѣдуютъ религіи еврейской, и Христіане и Сваси, однимъ словомъ всякій, кто вѣруетъ въ Бога и послѣдній день, и кто будетъ творить добро, — всѣ они получаютъ награду отъ ихъ Господа; страхъ не найдетъ на нихъ, и они не будутъ мучимы.

Стихъ 130-й. Скажите: мы вѣруемъ въ Бога и того, кто намъ посланъ свыше, въ Авраама, Измаила, Исаака, Іакова, въ двѣнадцать колѣнъ; мы вѣруемъ въ книги, которыя даны Моисею и Иисусу, въ книги, врученныя пророкамъ отъ Господа; мы не приписываемъ имъ никакого различія и предадимся Богу.

Гл. 4. Стихъ 169-й. О вы получившіе писанія! Не измѣняйте въ вашей религіи истиной вѣры, не говорите о Богѣ кромѣ истины. Мессія, Иисусъ, Сынъ Маріи, Апостолъ Бога и Его слово, которое Онъ бросилъ въ Марію. Онъ духъ происходящій отъ Бога.

Стихъ 161. Мы дали тебѣ откровеніе, какъ давали его Ною и пророкамъ, жившимъ послѣ него. Мы давали его Аврааму, Измаилу, Исааку и Іакову, двѣнадцати колѣнамъ, Иисусу, Іову, Аарону, Соломону и дали Давиду псалмы.

Стихъ 162-й. Были посланники, о которыхъ мы тебѣ уже извѣстили прежде. Были о которыхъ мы тебѣ не скажемъ. Богъ обращалъ рѣчь прямо къ Моисею.

Стихъ 163-й. Были посланники, назначенные пропо-

вѣдывать и остерегать, чтобъ люди не имѣли никакого извиненія предъ Богомъ послѣ явленія Апостоловъ. Богъ могущъ и мудръ.

Гл. 5. Стихъ 48-й. Мы повелѣли сойти Пятикнижію; оно содержитъ направленіе къ доброму пути и къ свѣту. Пророки, истинно вѣрующіе, преданные волѣ Божіей, должны судить евреевъ по той книгѣ; ученые и священники должны судить по частямъ книги Божіей, которую они сохранили. Они какъ бы свидѣтели закона противъ іудеевъ. О, іудеи не бойтесь людей, бойтесь Меня и не отдавайте моихъ знаменій въ замѣнъ ничтожной платы. Тѣ, которые судятъ не сообразно съ истиной, которой Богъ повелѣлъ сойти свыше, — невѣрные.

Стихъ 50-й. По слѣдамъ другихъ пророковъ, мы послали Иисуса, сына Маріи, для подтвержденія Пятикнижія. Мы дали ему Евангеліе, которое содержитъ направленіе и свѣтъ; оно подтверждаетъ Пятикнижіе. Евангеліе тоже содержитъ направленіе и предостереженіе тѣмъ, которые боятся Бога.

Стихъ 51-й. Люди Евангелія будутъ судить по Евангелію. Тѣ, которые не будутъ судить по книгѣ Божіей, — невѣрные.

Стихъ 70-й. О, еслибы люди писаній имѣли вѣру и страхъ Господень, мы изгладили бы ихъ грѣхи, ввели бы ихъ въ сады утѣхъ. Если бы они соблюдали Пятикнижіе и Евангеліе и книги, которыя имъ послалъ Господь, они наслаждались благами, находящимися надъ ихъ головами и подъ ихъ ногами. Есть между ними которые поступаютъ право; но большее число: о, какъ презрѣнны ихъ дѣла!

Стихъ 73-й. Тѣ, которые вѣрують, и іудеи, и сабеи, и христіане, однимъ словомъ, кто вѣруетъ въ Бога и въ по-

слѣдній день, кто будетъ творить добро, тѣ будутъ освобождены отъ всякаго страха и не будутъ притѣсняемы.

Стихъ 113-й. Мы желаемъ, говорили они, сѣсть и ѣсть; тогда наши сердца увѣрятся, мы узнаемъ, что ты проповѣдывалъ истину и дадимъ свидѣтельство въ твою пользу.

Стихъ 114-й. Иисусъ, сынъ Маріи, обратился съ слѣдующей молитвой: Боже Господи нашъ, повели сойти къ намъ съ неба столу, чтобъ онъ былъ пиромъ для перваго и послѣдняго изъ насъ, и знаменіемъ Твоего могущества. Напитай насъ, ибо Ты лучший питатель.

Гл. 6. Стихъ 48-й. Наши посланники приходили только для предостереженія и проповѣди; кто вѣруетъ и творить добро, будетъ въ безопасности отъ страха и не будетъ опечаленъ.

Стихъ 50-й. Скажи имъ: Я не говорю Вамъ, что владѣю сокровищами Бога, что знаю тайныя дѣла; не говорю Вамъ, что я ангелъ, но заставлю слѣдовать только тому, что мнѣ открыто. Скажи имъ: слѣпой и зрячій развѣ одно и тоже? Не размыслите ли это?

Стихъ 83-й. Таковы доказательства единства Божія, которыми мы снабдили Авраама противъ его народа. Мы возносимъ тѣхъ, кого намъ угодно. Твой Господь мудръ и знающъ.

Стихъ 84-й. Мы дали ему Исаака и Іакова и направили ихъ обоихъ, прежде еще мы направили Ноя. Между потомками Авраама мы направляли также Давида, и Соломона, и Іова, и Іосифа, и Моисея и Аарона. Также мы вознаграждаемъ дѣлающихъ добро.

Стихъ 85-й. Захарія, Ягія, Иисусъ и Ілія, всѣ они были праведные.

Стихъ 86-й. Измаила, Елисея, Іону и Лота мы вознесли выше всего человѣчества.

Стихъ 89-й. Это люди, которымъ мы дали писаніе, и мудрость и пророчество. Если потомство ихъ не увѣруетъ, то мы поручимъ это тѣмъ, которые увѣруютъ.

Гл. 7. Стихъ 188-й. Скажи имъ: Я не имѣю никакой власти ни доставить себѣ полезнаго, ни удалиться отъ вреднаго для меня, развѣ только пожелаетъ того Богъ. Если-бъ я зналъ тайныя дѣла, сдѣлался бы богатъ, и никакое несчастіе не могло бы меня коснуться. Но я только человѣкъ, обязанный объявить обѣщанія и предостеречь народъ вѣрующій.

Гл. 10. Стихъ 48-й. Всякій народъ имѣлъ своего пророка; когда пророкъ являлся также и къ нимъ, то споръ былъ рѣшаемъ справедливо; и они не будутъ судимы неправедно.

Стихъ 209-й. Люди составляли нѣкогда одинъ народъ. Богъ посылалъ пророковъ съ порученіемъ проповѣдывать и остерегать. Онъ далъ имъ книгу (Пятикнижіе и Евангеліе) содержащую правду, чтобъ изъяснить людямъ ихъ споры. Все-таки люди не перестали спорить изъ ненависти одни къ другимъ, и послѣ того, какъ имъ всѣмъ были даны явныя знаменія. Богъ былъ путеводителемъ, которые вѣровали въ истинный смыслъ того, что сдѣлалось предметомъ спора съ дозволеніемъ Божиимъ; ибо Онъ направляетъ тѣхъ, кого хочетъ, на путь правый.

Гл. 2. Стихъ 285-й. Пророкъ вѣруетъ, что его послалъ Господь. Вѣрные вѣруютъ въ Бога, въ Его ангеловъ, въ Его книги и въ Его посланниковъ. Они говорятъ: мы не дѣлаемъ различія между посланными отъ Бога. Мы слышали

и повинемся, О Господи, прости намъ грѣхи наши, мы всѣ къ Тебѣ возвратимся.

Гл. 3. Стихъ 2-й. Онъ послалъ тебѣ по всей истинѣ книгу, которая подтверждаетъ то, что ей предшествовало; Онъ повелѣлъ сойти свыше Пятикнижію и Евангелію, чтобы служить людямъ направлениемъ. Онъ повелѣлъ сойти различію.

Стихъ 40-й. Однажды ангелы сказали Маріи: Богъ вѣщаетъ тебѣ свое слово, Онъ назовется Миссія, сынъ Маріи, знаменитый на этомъ свѣтѣ и на томъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ Богу.

Стихъ 41-й. Ибо онъ будетъ говорить челоѣчеству дитятей въ колыбели и челоѣкомъ взрослымъ и будетъ онъ въ числѣ правыхъ.

Стихъ 45-й. Но какъ только Иисусъ замѣтилъ ихъ невѣріе, воскликнулъ: кто будетъ мой помощникъ, чтобы вести людей къ Богу? Это мы, воскликнули ученики Иисуса, будемъ помощниками Богу. Мы вѣруемъ въ Бога и ты засвидѣтельствуйешь, что мы предадимся его волѣ.

Стихъ 48-й. Навѣрное, что заставлю тебя подвергаться смерти. И что Я вознесъ тебя къ Себѣ, освободилъ тебя отъ невѣрныхъ и помѣстилъ тѣхъ, которые слѣдовали за тобой, выше тѣхъ, которые не вѣровали до дня воскресенія. Вы всѣ возвратитесь ко Мнѣ, и Я между васъ разсужу о предметѣ нашихъ споровъ.

Стихъ 78-й. Скажи: мы вѣруемъ въ Бога, и въ то, что Онъ послалъ намъ, въ то, что Онъ открылъ Аврааму, Измаилу, Іакову и двѣнадцати колѣнамъ; мы вѣруемъ въ святыя книги, которыя Моисей, Иисусъ и пророки получили съ неба; мы не дѣлаемъ между нами никакой разницы, мы преданы волѣ Божіей (мы мусульмане).

II.

Изъ приведенныхъ стиховъ Корана видно, какой прекрасный отзывъ данъ въ немъ какъ о самихъ учителяхъ истинны, такъ и объ ихъ ученіи.

Мухаммедъ любилъ истину, не любилъ споровъ, игры словъ: онъ не стыдился громко признавать правду, кѣмъ бы она ни была сказана. Ложный стыдъ, недостойное самолюбіе было ему чуждо. Любая глава Корана можетъ свидѣтельствовать, что имъ оказано полное уваженіе учителямъ слова Божія и ихъ ученіямъ. Даже въ вопросѣ такой перво-степенной важности, какъ первоучительство въ религіи, Мухаммедъ не приписываетъ всего исключительно себѣ. Онъ рѣшительно откланяетъ отъ себя притязанія быть первымъ и единственнымъ проповѣдникомъ истинной вѣры; онъ и въ этой части дѣлится съ другими учителями, бывшими до него.

Въ этомъ отношеніи Исламъ говоритъ, онъ, есть религія Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса (Сура XII, II)—скажи мы вѣримъ въ Бога, въ то, что Онъ послалъ намъ, что Онъ открылъ Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову и двѣнадцати колѣнамъ, мы вѣримъ въ священныя книги, полученныя съ неба Моисеемъ, Иисусомъ и пророками, мы не полагаемъ между ними никакого различія—мы Ему предали себя (Сура III, 88).

За Моисеемъ онъ признаетъ высокое достоинство. Моисей удостоенъ услышать эхо, идущее отъ Бога, въ горѣ Туръ-Муса-Кялимул-лахъ, а объ Иисусѣ Христѣ его отзывы идутъ еще дальше. Иисусъ (Айса) есть духъ Божій и Его

слово, посланное на землю (Айса-рухул-лахъ, вэ-кяли-матул-лахи, ва-ра-сюлень-минху).

За Иисусомъ признается въ Коранѣ множество чудесъ, совершенныхъ имъ, и самое важное, заслуживающее вниманія, то обстоятельство, что по ученію Корана, Иисусъ не умеръ послѣ распятія, а лишь вознесенъ на небо и придетъ на землю предъ концомъ міра для страшнаго суда. Въ Коранѣ лишь однихъ упомянутыхъ по именамъ пророковъ считается 29 посланниковъ, являвшихся въ разные времена, посланныхъ Богомъ для призванія народовъ къ истинному пути, а о неупомянутыхъ въ Коранѣ по именамъ говорится такъ: О нѣкоторыхъ пророкахъ мы тебѣ рассказали, а о нѣкоторыхъ не рассказали.

Вотъ къ какому заключенію приходитъ почтенный нашъ философъ Владиміръ Соловьевъ изъ обзрѣнія имъ стиховъ Корана, касающихся неинновѣрческихъ исповѣданій. «Наша вѣра отъ Бога» и кому какъ не Богу давать людямъ религіи? Вполнѣ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать признаніе Мухаммедомъ прочихъ откровеній безъ всякаго различія между ними. Всѣ эти откровенія происходятъ отъ Бога, но происходятъ порознь, безъ всякой генетической связи между собою; поэтому Коранъ вовсе не зависитъ отъ прежнихъ откровеній. Онъ согласенъ съ ними и подтверждаетъ ихъ, но онъ, какъ и они, посланъ прямо съ неба, отъ Единого Бога. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога живаго вѣчнаго. Онъ послалъ тебѣ книгу откровеніе, содержащую истину, чтобы подтвердить писанія, бывшія прежде нея. Раньше ея Онъ ниспослалъ Пятикнижіе и Евангеліе для руководства людей. Нынѣ послалъ Онъ посвященіе. Сура III, 1 — 2.

Поэтому Мухаммедъ, насколько онъ оставался послѣдо-

вательнымъ, не требовалъ отъ іудеевъ и христіанъ принятія Корана, какъ непремѣннаго условія спасенія: «они обязаны только исполнять заповѣди своей религіи». Изъ этого можно заключить, что Мухаммедъ не претендовалъ на первенство, а лишь отождествлялъ свое ученіе съ ихъ ученіями. Такой отзывъ о другихъ исповѣданіяхъ и цѣломъ рядѣ учителей, проповѣдниковъ истиннаго ученія и морали, свидѣтельствуетъ о широкомъ кругозорѣ Мухаммеда. Владиміръ Соловьевъ говоритъ по этому вопросу, что самыя поступки Мухаммеда весьма наглядно доказываютъ о его уваженіи къ другимъ исповѣданіямъ. Онъ въ Мединѣ заключаетъ оборонительный союзъ съ евреями и христіанами; онъ принимаетъ ихъ приглашенія на свадьбу и т. д. Онъ позволяетъ даже своимъ приближеннымъ переселиться и искать убѣжища у Абиссинскаго государя Хабешъ.

Вотъ что далѣе пишетъ Владиміръ Соловьевъ: «Изъ общей массы невѣрныхъ естественно были выдѣлены ятрибскіе арабы, еще не принявшіе Ислама, но не противѣйствовавшіе ему, а также іудеи этого города. И въ тѣхъ, и въ другихъ Мухаммедъ видѣлъ ближайшихъ кандидатовъ на мусульманство, что относительно арабовъ и оправдалось черезъ нѣсколько времени. И съ тѣми, и съ другими былъ заключенъ договоръ. Язычники Ятриба обязывались не вступать въ мирныя сношенія съ языческими корейшитами и ихъ союзниками, а Мухаммедъ обязался не укрывать между мусульманами воровскихъ людей отъ законнаго преслѣдованія. Съ евреями былъ заключенъ болѣе тѣсный союзъ. Они обязались поддерживать дѣло Ислама денежными взносами и въ тяжёбныхъ дѣлахъ между своими и мусульманами принимать рѣшеніе Мухаммеда. Защита Ятриба, Медины отъ внѣшняго нападенія была при-

знана общимъ дѣломъ всѣхъ живущихъ въ городѣ — язычниковъ, мусульманъ и іудеевъ».

Замѣчательнымъ контрастомъ можетъ служить то обстоятельство, что о себѣ онъ отзывается болѣе, чѣмъ скромно. При каждомъ удобномъ случаѣ въ Коранѣ онъ упоминаетъ о себѣ, что онъ не ангелъ, — что онъ такой же человѣкъ, какъ и они — его слушатели. Въ его власти лишь одно — передавать людямъ данную ему свыше истину.

Мухаммедъ не болѣе, какъ посланникъ Бога: Скажи имъ, что я Мухаммедъ не говорю вамъ слушателямъ, что владѣю сокровищами Бога, что знаю тайныя дѣла, не говорю вамъ, что ангелъ, но заставляю слѣдовать только тому, что мнѣ открыто.

Въ послѣднемъ стихѣ онъ еще откровеннѣе передаетъ о своей личности. Скажи имъ: я не имѣю никакой власти доставить себѣ полезнаго и удалиться отъ вреднаго для меня, развѣ только посылаетъ то Богъ. Если бы я зналъ тайныя дѣла, сдѣлался бы богатъ и никакое несчастье не могло бы меня коснуться, но я только человѣкъ, обязанный объявить обѣщанія и предостеречь народъ вѣрующій. (Глава 7, стр. 188).

III.

Правда, въ юриспруденціи Ислама найдутся нѣкоторыя черновости по отношенію къ праву пновѣрцевъ сравнительно съ правами господствующаго класса, но это не можетъ служить поводомъ къ осужденію Ислама въ фанатизмъ и нетерпимости. Во-первыхъ, эти законоположенія имѣли чисто политическій характеръ и изданы были только относи-

тельно новопокоренныхъ пновѣрцевъ. Во-вторыхъ, они имѣютъ характеръ аналогичный съ мѣрами, принимаемыми во время войны нашего времени и, наконецъ, согласуются и оправдываются политическими условіями жизни позднѣйшихъ и современныхъ культурныхъ народовъ.

Допускаются же въ нашъ просвѣщенный вѣкъ особые законы по объявленіи города въ осадномъ положеніи, исключительные законы по отношенію къ извѣстнымъ національностямъ и т. д.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ Коранъ вошли и военные и уголовные законы; поэтому многіе статьи въ Коранѣ относительно пновѣрныхъ, кажущіяся суровыми, должны исключительно обсуждаться съ своей политической стороны и иное, догматическое значеніе едва ли могутъ имѣть. Неточное понятіе подобныхъ статей можетъ породить совершенно невѣрные выводы. Впрочемъ даже мусульмане не всегда безгрѣшны въ этомъ и далеко не всѣ понимаютъ истинное значеніе этихъ статей.

Чтобы уяснить себѣ обстоятельно статьи Карана, слѣдуетъ прежде всего ознакомиться съ мотивами и фактами, вызвавшими ихъ. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо нельзя игнорировать историческихъ данныхъ. По возникновеніи Ислама также, какъ и при появленіи другихъ религій, явилась вражда со стороны многихъ племенъ. Вражда эта доходила иногда до открытыхъ войнъ. Устранить эти, созданныя самою жизнью, грустные обстоятельства и въ настоящее время не всегда удастся роду человѣческому. И какъ это ни прискорбно, какъ это ни грустно, но и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ кровопролитіе продолжается на землѣ и даже съ болѣе ужасающими послѣдствіями. И это не въ средѣ дикарей различныхъ по своимъ понятіямъ, не имѣющихъ

возможности столковаться и понять другъ друга, но въ средѣ людей лучшихъ, просвѣщенныхъ братьевъ, одинаково образованныхъ и стоящихъ въ одинаковой степени культурнаго развитія.

Статьи Корана, вызванныя подобными событіями, могутъ быть лишь терпимы подобно статьямъ современныхъ уголовныхъ кодексовъ о смертной казни и т. п. Эти статьи, вызванныя временными событіями, хотя и кажутся суровыми особенно теперь, не могутъ умалить гуманности ученія Ислама. При томъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эти немногочисленные статьи относительно завоеванныхъ племенъ или о войнѣ съ непріятелемъ изданы были, когда Исламъ встрѣчался съ борьбою и нуждался въ оружій, чтобы удержать свое ученіе. Характеръ этого ученія совершенно измѣняется, когда Исламъ чувствуетъ себя внѣ опасности. Въ этотъ періодъ постепенно ослабѣваетъ значеніе войны и начинается гражданственность. Но къ сожалѣнію періодъ этотъ былъ слишкомъ коротокъ, чтобы успѣть широко раскинуть гражданскую равноправность въ средѣ разноплеменныхъ и различныхъ вѣроисповѣданій людей. И въ этотъ краткій періодъ Исламъ успѣлъ проявить свои гуманно-гражданскія реформы. Періодъ этотъ — дѣятельность Мухаммеда по пріѣздѣ въ Медину. Отсюда только началъ онъ публично и рѣшительно проповѣдывать Исламъ, но скоро же явившаяся вражда новому ученію дошла до открытой войны. Періодъ этотъ былъ слишкомъ кратокъ — всего 13 лѣтъ.

Достаточно-ли такого краткаго времени, чтобы изучить и узнать бытъ и характеръ новопокоренныхъ. Возможно ли въ такой краткій періодъ расположить къ себѣ новыхъ подданныхъ настолько, чтобы можно было установить абсо-

лютную гражданскую равноправность съ господствующими? А теперь что мы видимъ въ Европѣ? Проходятъ многія десятилѣтія, а вновь завоеванныя земли все еще остаются на особомъ положеніи, города ихъ управляются особыми строгими законами и принимаются всѣ мѣры, какъ къ территории плохо приклеенной къ государству и постоянно угрожающей отпаденіемъ.

Исламъ зналъ лишь одно—законъ общій для всѣхъ и гласный судъ, правда не съ присяжными засѣдателями—этой сравнительно новой гарантіей справедливости. Судьи лица ученаго и честнаго благочестиваго исполнителя закона. Вообще-же Исламъ отводитъ огромное значеніе суду. Онъ всѣми силами старался установить истину и справедливость безъ различія сословія и вѣроисповѣданія.

Вотъ какъ смотрѣли на равноправность лучшіе мусульмане. Однажды халифъ Омаръ путешествовалъ и заѣхалъ на площадь одного изъ городовъ Сиріи. Какой-то старецъ-огнепоклонникъ съ бѣлою бородою, совершенно сгорбленный годами, обратилъ на себя вниманіе халифа. «Трудъ наложилъ свою печаль на этого старца», сказалъ Омаръ и, сильно заинтересованный, подошелъ и спросилъ, кто онъ такой. Выслушавъ о его полной трудовъ жизни, халифъ спросилъ, чей онъ подданный: «Я подданный правосуднаго халифа Омара», отвѣтилъ старецъ.

«Не подобаетъ Омару, чтобы его подданные въ молодости вносили подати отъ своихъ трудовъ казнѣ Омара и подъ старость были-бы оставлены на произволъ судьбы. Нѣтъ, этого не можетъ допустить халифъ. Иди, старецъ, къ казначею и скажи ему, что Омаръ приказалъ выдавать тебѣ на пропитаніе».

Узнавъ тогда халифа, старецъ палъ къ его ногамъ и

ушелъ, радуясь справедливому и милостивому отношенію халифа къ нему-огнепоклоннику. О той-же справедливости Омара, историкъ передаетъ слѣдующее.

Въ 634 году, когда Омаръ завоевалъ Іерусалимъ, онъ войдя въ городъ зашелъ въ храмъ (названный кялисятуль-кїямь) и сѣлъ на внутреннюю ея площадку. Когда наступило время молитвы, Омаръ сказалъ патріарху Іліи, что хочетъ молиться. Патріархъ на это отвѣтилъ: «Молись, гдѣ ты стоишь». Однако, Омаръ отказался молиться внутри храма и, выйдя изъ него, совершилъ молитву внѣ храма. Окончивъ обрядъ богослуженія, Омаръ сказалъ патріарху: «Если-бы я молился внутри храма, то мусульмане, узнавъ, что тамъ молился самъ Омаръ, отняли-бы потомъ отъ васъ этотъ храмъ». Вотъ каковъ былъ воинственный и грозный Омаръ, когда онъ становился мирнымъ гражданиномъ.

IV.

Заслуживаетъ особаго вниманія въ ученіи Ислама то, что сдѣлка съ совѣстью не допускается нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ. Измѣна, обманъ, коварство по отношенію къ иновѣрцамъ строго запрещена и не только въ мирной гражданской жизни, но даже и при открытіи непріятельскихъ дѣйствій, раньше, чѣмъ извѣститъ о войнѣ своихъ враговъ.

«Не правовѣренъ тотъ, у кого три слѣдующихъ признака», говорилъ Мухаммедъ: «даннаго обѣщанія не сдержитъ, измѣнитъ ввѣрившемуся и солжетъ на словахъ».

(Ля юкяммеле имануррад желе инъ кяна фихи селясе аляметунъ изя кялляме кезебе, иза патемене хана, иза

ваада халефа). Обманъ, ложь, коварство и всякаго рода неблагородное отношеніе строго запрещаются одинаково безъ различія вѣры по отношенію къ мусульманамъ и не мусульманамъ. По отношенію къ иновѣрцамъ запрещается даже болѣе строго, чѣмъ къ мусульманамъ. «Кровь подданнаго иновѣрца одинакова съ кровью мусульманина; кровь ихъ, — наша кровь, имущество ихъ подобно имуществу нашему», сказалъ халифъ Омаръ иновѣрцамъ, принявшимъ подданство.

Изъ этого краткаго изложенія видно, что тѣ ограниченія правъ иновѣрцевъ, которыя встрѣчаются въ Коранѣ — ограниченія того времени, когда еще Исламъ не успѣлъ увѣриться въ благонадежной гражданственности иновѣрцевъ. Они не могутъ быть поставлены въ вину Исламу, какъ упрекъ въ нетерпимости къ религіи иновѣрныхъ. Живи Мухаммедъ 40—50 лѣтъ съ новоподданными иновѣрцами, онъ несомнѣнно сгладилъ бы все различіе между мусульманами и иновѣрцами въ государственномъ отношеніи. Но 10 лѣтъ были слишкомъ малымъ періодомъ, чтобъ онъ успѣлъ увѣриться въ государственной благонадежности иновѣрческаго элемента. Общая вѣротерпимость Ислама ясно доказывается слѣдующими стихами Корана: «Въ религіи нѣтъ принужденія. Истинный путь довольно отличается отъ заблужденія. Тотъ, кто не вѣритъ въ Тагута *) и вѣритъ въ Бога, хватается за твердую рукоять и безопасно разобьетъ все, Богъ слышитъ и знаетъ все». (гл. 2, стр. 257).

Даже въ вопросѣ смѣшаннаго брака, гдѣ вѣронетерпимость обыкновенно всего рѣзче сказывается, мы видимъ,

*) Имя одного идола.

что Коранъ допускаетъ бракъ съ христіанами и евреями. Мало того, въ смѣшанномъ бракѣ мать-христіанка вслѣдствіе уваженія къ ея правамъ остается по обычаю воспитательницей своихъ дѣтей.

Прибавимъ ко всему этому еще слѣдующія замѣчательныя черты Ислама. Онъ никогда не прибѣгалъ къ какому либо религіознымъ гоненіямъ, какъ противъ иновѣрцевъ, такъ и среди своихъ внутреннихъ религіозныхъ разномысліи. Никогда у мусульманъ ереси не преслѣдовались вооруженною силою, а въ позднѣйшія эпохи уваженіе къ мысли другого стало еще шире. Устраивались публичныя бесѣды съ оспаривающими догмы Ислама; въ этихъ собраніяхъ иногда присутствовали сами халифы, и свобода слова была предоставлена каждому. Атеистъ, оспаривавшій существованіе верховной силы, такъ-же свободно приводилъ свои доводы какъ и другой отрицалъ единство Бога и сомнѣвался въ загробной жизни. Спорившіе боролись равнымъ орудіемъ; принужденіе и нетерпимость были равно далеки и отъ представителей господствующаго мнѣнія и меньшинства.

Это можно объяснить лишь однимъ; а именно любовью къ знанію и ученію. Ученый, будь онъ тѣхъ или другихъ воззрѣній, достоинъ вниманія, и его слова слушаютъ. Разъ доводы его не ясны, противорѣчивы, его оспариваютъ. Поэтому то мы теперь видимъ обширную литературу по богословію и философіи о важныхъ догмахъ въ полномъ изложеніи безъ пропуска какихъ либо доводовъ, оспаривавшихъ ту или другую догму Ислама. Примѣромъ этого-же уваженія къ чужой истинѣ служитъ самъ Коранъ, гдѣ всѣ ученія пророковъ бывшихъ до Мухаммеда, и всѣ ученія иновѣрческихъ книгъ принятыя Кораномъ къ свѣдѣнію,

получили надлежащее значеніе. Въ этомъ отношеніи Мухаммедъ ушелъ далеко отъ многихъ учителей, бывшихъ до него. Онъ называлъ ихъ такими лестными эпититами, которыхъ онъ не позволяетъ приписывать себѣ. Такимъ образомъ полная терпимость проникаетъ все ученіе Ислама. Чужія ученія и мысли, если только они убѣдительно и истинны, принимаются имъ и пользуются уваженіемъ.

Итакъ, мы видимъ по ученію Ислама, что для правильной жизни земной и небеснаго блаженства нѣтъ различія ни въ націи, ни въ религіи. Всевышній одѣлилъ всѣхъ своими благами; и милосердія Господня хватитъ для каждого. А если въ будущей жизни мусульманинъ и отводитъ себѣ какъ будто большее значеніе, то не слѣдуетъ забывать что всетаки по ученію Ислама будущій нашъ общій судья — Христосъ (Айса).

V.

Слово джихадъ (война), которое переводится почему то священная война, въ ученіи Ислама совсѣмъ не имѣетъ того характера страшилища, какимъ она представляется воображенію европейца. Думаютъ, что для нея должны явиться обязательно всѣ мусульмане подъ зеленое знамя пророка и всѣ возстать на иновѣрныхъ. Мы даже не можемъ понять откуда взялся переводъ джихадъ терминомъ «священная война» въ значеніи, которое обыкновенно усваивается понятію крестоваго похода и т. п. Слово «джихадъ» обнимаетъ всякую войну, какого бы то ни было характера.

Во всякомъ случаѣ война въ ученіи Ислама не имѣетъ характера пропаганды въ смыслѣ распространенія Ислама

оружіемъ. При призываніи же людей къ Богу Мухаммеду, какъ мы уже сказали, указанъ совершенно ясный и опредѣленный путь, ничего общаго не имѣющій съ войною и насиліемъ. Именно въ Коранѣ говорится: «Призывай людей на путь Божій мудростью и кроткими увѣщаніями; если ты вступишь съ ними въ споръ, веди его честнѣйшимъ образомъ». (гл. XVI, ст. 126).

Арабскіе богословы, толкователи этого мѣста, объясняютъ эти слова такъ. Проповѣдуя людямъ обращеніе къ Богу, слѣдуетъ дѣйствовать на ихъ умъ и сердце силою доводовъ и убѣжденностью. А если станутъ оспаривать истины богооткровенія, то въ спорѣ надо держаться правильныхъ и чисто логическихъ пріемовъ, не прибѣгая къ софистическимъ уловкамъ.

Что-же касается до тѣхъ лестныхъ словъ по адресу героевъ или возбужденія чувства патріотизма, которыя проявлялись въ ученіи Ислама, особенно когда онъ былъ принужденъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое существованіе, то это ничуть не опровергаетъ нашего взгляда на значеніе войны въ магометанствѣ.

По ученію Ислама война (джихадъ, газаватъ) обязываетъ cadaго мусульманина встать на защиту Ислама въ томъ только случаѣ, если непріятель самъ напалъ на территорию мусульманъ и опять тогда только, когда военныя силы непріятеля превышаютъ силы мусульманъ. Нижеприведенныя мѣста Корана ясно доказываютъ, что пропаганда Ислама съ оружіемъ въ рукахъ была чужда Мухаммеду. «Въ религіи нѣтъ принужденія. Истинный путь довольно отличается отъ заблужденія». (Коранъ, гл. 2, ст. 257).

«Если-бы захотѣлъ Богъ, то увѣровали бы всѣ народы земные, хочешь ли ты приневолить людей сдѣлаться въ-

рующими?» (Коранъ глава X, ст. 99). Новопокоренному племени Исламъ ничего не навязывалъ кромѣ покорности и подати (хираджъ, джезья). Для покоренныхъ не было обязательнымъ подчиняться кодексамъ Ислама, обыкновенно автономія оставлялась въ очень широкомъ объемѣ. Въ Коранѣ мы не находимъ никакихъ указаній на войну въ смыслѣ навязыванія мечемъ религіи Мухаммеда.

Если-бы это было такъ, то Исламъ ставилъ-бы непремѣннымъ условіемъ принятіе Ислама всѣми новозавоеванными племенами. На самомъ же дѣлѣ халифы по покореніи инновѣрцевъ предоставляли имъ на выборъ принять подданство со взносомъ подати подушной (джезья) и поземельной (хирджа) или, если пожелаютъ сами, принять Исламъ. Разъ они приняли подданство, то становятся подъ защиту и покровительство государства. Кровь ихъ и имущество одинаково цѣнятся съ кровью и имуществомъ магометанъ. Въ религіозномъ отношеніи они также не терпятъ никакихъ притѣсненій; церкви покоренныхъ съ ихъ священниками, монахами и инымъ священствомъ, какъ со служителями Бога, освобождаются отъ всякихъ податей и никто не въ правѣ вмѣшаться въ ихъ внутреннія церковныя дѣла. «У васъ своя вѣра, у меня своя» — говоритъ Коранъ (гл. IX, ст. 6).

Война (джихадъ) въ смыслѣ оборонительномъ, защиты своего отечества, обязательна, насколько это обязательно и теперь для каждого гражданина. И это едва-ли можетъ быть поставлено въ упрекъ ученію Ислама.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Владиміръ Соловьевъ. «При всей ожесточенности тона въ этомъ воззваніи, слова: «Сражайтесь съ врагами, доколѣ нечего будетъ бояться соблазна, доколѣ не утвердится Исламъ» — ясно по-

казываютъ, что священная война была для Мухаммеда религіозно-политической мѣрой, временно необходимой, а никакъ не постояннымъ религіознымъ принципомъ. Относительно этого не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, когда чрезъ нѣсколько стиховъ въ той-же главѣ читаемъ: «Не дѣлайте насилія людямъ изъ-за ихъ вѣры. Путь спасенія достаточно отличенъ отъ пути заблужденія». Такимъ образомъ и въ Мединѣ Мухаммедъ не измѣнилъ тому, что говорилъ въ Меккѣ. «Мы знаемъ рѣчи невѣрныхъ. Не употребляй противъ нихъ насилія». (Коранъ I, 44).

Цѣль священной войны не есть обращеніе невѣрныхъ въ Исламъ, а только ихъ покорность Исламу. Такимъ образомъ противорѣчіе здѣсь только кажущееся, и въ ученіи Мухаммеда вѣротерпимость вполне совмѣщается съ идеей священной войны. (Владиміръ Соловьевъ, ст. 58).

Объявленіе войны отнюдь не допускается ранѣе чѣмъ будутъ порваны, существующіе между воюющими, договоры. Нападеніе-же безъ предварительнаго объявленія считается неблагороднымъ обманомъ, коварствомъ (гадеръ) и совершенно не допускается. Также строго запрещается жестокое и унижительное для человѣческаго достоинства обращеніе съ плѣнными, какъ то обрѣзаніе ушей, носовъ, замазываніе смолой ихъ лицъ и т. д.

Такимъ образомъ мнѣніе, будто Исламъ распространялся огнемъ и мечемъ, слишкомъ преувеличено. Онъ не могъ распространяться такъ уже по той простой причинѣ, что проповѣдникомъ этого новаго ученія явился Мухаммедъ одинъ среди массы враждебныхъ, гордыхъ корейшитовъ. Возможно-ли было думать о мечѣ ему одному или съ 4—50 послѣдователями на пространствѣ всего аравійскаго полуострова.

Между тѣмъ ошибочное представленіе о джихадѣ, какъ дикомъ нашествіи во славу пророка и для распространенія Ислама, до того укоренилось въ Европѣ, что тутъ даже не допускають никакой критики. Неужели не достаточно отвергаютъ нелѣпость этого взгляда слишкомъ общеизвѣстные историческіе факты. Взять если хотя ближайшія къ намъ событія въ Азіи и Африкѣ. Дѣйствительность говорить совсѣмъ о противоположномъ. Тунисъ защищается отъ нападенія Франціи, — сосѣднее Марокко остается спокойнымъ зрителемъ. Египетъ напрягаетъ послѣднія усилія отъ англійскихъ культуртрегеровъ, а Турція и вся мусульманская Африка и даже священные города Медина и Мекка, очагъ мусульманства, Сирія и проч. спокойно ждутъ кровавой развязки. Можно привести цѣлый рядъ подобныхъ фактовъ, бьющихъ въ глаза. Неужели они не разсѣять это столь ошибочное понятіе?

Памятны всѣмъ слова Исаака Тайлора, высказанныя имъ на церковномъ соборѣ въ Уольвергамптонѣ 7-го октября 1887 года *).

*) Таймсъ 8-го октября 1887 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Указъ о христіанахъ, данный Мухаммедомъ.

Мухаммедъ, пророкъ, посланникъ Божій и проповѣдникъ всего рода человѣческаго, согласно съ Божественнымъ порученіемъ, на него возложеннымъ, написалъ нижеслѣдующее, чтобы оно въ силу Божьяго повелѣнія стало священнымъ указомъ, узаконяющимъ христіанскую вѣру, какъ на восточныхъ, такъ и на западныхъ окраинахъ земли, какъ въ ея ближайшихъ, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ въ пзвѣстныхъ и непзвѣстныхъ частяхъ земли, среди образованныхъ и среди необразованныхъ ея жителей. Документомъ этимъ, даннымъ имъ (христіанамъ), какъ обѣщаніе и всенародный списокъ, онъ повелѣваетъ превозносить его правосудіе (т. е. законъ его считать священнымъ) и хранить его существованіе.

Послѣ этого каждый исповѣдующій Исламъ, не уважающій силу этого указа, употребляющій его во зло, или прекословящій, какъ невѣрный этому завѣту и тѣмъ нарушающій мои приказанія, будетъ считаться нарушителемъ Божьяго завѣта и Его заповѣдей и клятвопреступни-

комъ: все равно, кто бы онъ ни былъ, царь ли, князь ли, или всякій другой человѣкъ изъ числа вѣрныхъ магометанъ.

Давъ имъ, т. е. христіанамъ, этотъ указъ со слѣдующими обѣщаніями и условіями, я обязалъ себя и всѣхъ моихъ вѣрныхъ приверженцевъ и послѣдователей. Я далъ имъ право требовать отъ меня и отъ нихъ исполненія этихъ обѣщаній и условій въ силу Божьяго завѣщанія и договора. Я помѣстилъ ихъ подъ кровомъ Пророковъ, Апостоловъ, Святыхъ, чтимыхъ вѣрными магометанами какъ прошедшихъ, такъ и будущихъ временъ; мое же собственное покровительство и мои договоры должны быть приняты за главное и первоначальное («Богъ повелѣваетъ исполненіе своего завѣщанія и повиновеніе законному посланному Пророку или одному изъ окружающихъ его Ангеловъ»). Повелѣваю я охранять законы ихъ (т. е. христіанъ) правосудія во всѣхъ моихъ областяхъ, защищать ихъ моими конными людьми, военачальниками и вѣрными послѣдователями отъ всякаго врага близкаго или дальняго, осужденнаго или свободнаго; обезпечивать ихъ и защищать ихъ церкви и мѣста, назначенныя для Богослуженія, жилища ихъ монаховъ и мѣста ихъ богомолья, гдѣ бы они ни были или ни находились: на горѣ или въ долинѣ, въ пещерѣ или въ хижинѣ, на лугу или въ полѣ, въ деревнѣ или въ городѣ; оберегать ихъ вѣру и ихъ богатства, гдѣ бы они ни были и гдѣ бы они ни находились: на сушѣ или на морѣ, на востокѣ или на западѣ; точно также, какъ я самъ охранялъ и берегъ бы самого себя, свой собственный конецъ (вѣчное спасеніе) и свой народъ, моихъ вѣрныхъ магометанъ, такъ я желалъ бы оградить ихъ моей порукой отъ всякаго оскорбленія, обиды, насилія и преслѣдо-

ванія; а пока я властенъ надъ ними, я хотѣлъ бы поддержать и прикрыть ихъ моею собственною особою, моими приверженцами, послѣдователями и людьми моего народа отъ всякаго врага, который вздумалъ бы обижать меня вмѣстѣ съ ними. Я обязуюсь не допустить наложенія на нихъ обременительныхъ налоговъ или займовъ, которые не должны превышать того, что они въ состояніи дать; и изъ за этого они не должны терпѣть ни насилій, ни притѣсненій. Ни одинъ епископъ не лишится своей епархіи. Ни одинъ христіанинъ не будетъ исторгнутъ изъ своего монастыря, ни одинъ богомолецъ не будетъ удержанъ отъ богомолья, ни одинъ отшельникъ не будетъ потревоженъ въ своей кельѣ и ни одна изъ церквей не будетъ снесена для воздвиженія на мѣстѣ ея мечети или дома для магометанъ; и если кто-либо сдѣлаетъ таковое, то онъ нарушитъ Божье завѣщаніе, измѣнитъ своей вѣрѣ и сдѣлается непослушнымъ Апостолу Бога. Никто изъ епископовъ или монаховъ не будетъ обремененъ ни малѣйшимъ налогомъ кромѣ того, что они захотятъ дать по своей доброй волѣ; — никакая пошлина не будетъ взыматься съ богатыхъ купцовъ или съ пользующихся полнѣйшимъ благоденствіемъ, ни съ водолазовъ (за жемчугомъ), ни съ тѣхъ, которые разрабатываютъ рудники и добываютъ изъ нихъ золото, серебро и драгоценные камни. Не болѣе двѣнадцати драхмъ должно быть взимаемо разъ въ годъ, какъ поголовная подать съ христіанъ, и то, если они постоянные мѣстные жители какого-нибудь города; никакая поголовная подать или земельный налогъ не должны быть взыскиваемы съ путешественника или проѣзжаго, который не принадлежитъ къ числу мѣстныхъ жителей страны; но тѣ, которые владѣютъ землями, помещики, тѣ по справедливости должны вносить слѣдующія

пошлины Государю по примѣру другихъ (т. е. магометанъ) съ тѣмъ однако, чтобы не было слишкомъ тяжелыхъ налоговъ и вносить столько, сколько они въ состояніи дать, и чтобы никто изъ нихъ, кто будетъ съ малыми средствами обрабатывать землю для улучшения ея плодородія и ея произведеній, не былъ угнетаемъ или несправедливо принуждаемъ платить налогъ, подобно другимъ (помѣщикамъ).

Ни одинъ христіанинъ не обязанъ выступать съ магометанскими войсками противъ врага или для охраненія границъ; военныя дѣла не должны касаться данниковъ; они покорены, чтобы быть данниками и не быть ни кѣмъ тревожимы, а магометане должны ихъ защищать и ограждать. Они не обязаны идти на войну вмѣстѣ съ мусульманами съ оружіемъ и лошадьми, развѣ только по ихъ доброй волѣ; и каждый, кто захочетъ въ такомъ случаѣ поступить въ ряды мусульманскаго войска, долженъ быть принятъ съ благодарностью, а услуги его щедро награждены. Никто изъ магометанъ не долженъ прибѣгать къ насилію или принужденію въ отношеніи христіанъ; напротивъ, они должны обращаться съ ними съ великой скромностью и осѣнить ихъ крыльями милосердія и всепрощенія; и гдѣ бы они ни были и гдѣ бы они ни находились, всюду должны они быть ограждены отъ всякой обиды и отъ всякаго зла. Если какой-нибудь христіанинъ окажется виновнымъ въ преступленіи, или сдѣлаетъ ошибку, магометане должны принять его сторону, охранять его отъ дерзостей и въ то же время не допускать ни до какой обиды и дурнаго съ нимъ обращенія; они должны стараться возстановить миръ между нимъ и его противникомъ или положить конецъ ссорѣ удовлетвореніемъ обѣихъ сторонъ.

Они, т. е. христіане, не должны быть оставлены или отвергнуты; нѣтъ, нисколько. Я далъ имъ законъ Бога, дабы они имѣли и пользовались тѣми самыми преимуществами, которыя даны и магометанамъ, и дабы магометане уважали права, дарованныя христіанамъ въ силу этого указа, который долженъ быть уваженъ и исполненъ. Согласно съ этимъ священнымъ указомъ они должны быть ограждены отъ всякой обиды и допускаемы во всякое общество, такъ чтобы магометане были ихъ участниками во всѣхъ случаяхъ.

Относительно браковъ съ магометанами они (христіане) не должны быть принуждаемы ни справедливой силой, ни угнетеніемъ; родители дѣвушки не должны быть принуждаемы выдавать ее за магометанина, развѣ только они сами того пожелаютъ; ихъ не должно оскорблять, если они откажутъ жениху, или отвергнуть его сватовство, или его самого; и поэтому такой бракъ не долженъ состояться, развѣ только они сами на него согласятся и сами пожелаютъ. Если христіанка дѣлается женой магометанина, то онъ долженъ уважать ея расположеніе къ ея собственной вѣрѣ; онъ не долженъ воспрещать ей исполнять ея обряды и получать поученія отъ старшинъ ея вѣры; онъ не долженъ принуждать ее отрѣчься отъ своей религіи или грозить за это разводомъ; если онъ таковое сдѣлаетъ, то онъ будетъ ослушникомъ заповѣдей Бога и сдѣлается нарушителемъ предписанія Божія Апостола и будетъ считаться вѣроломцемъ предъ Всевышнимъ.

Если христіанамъ понадобится помощь въ починкѣ или исправленіи ихъ церквей и скитовъ, или въ чемъ бы то ни было касательно религіи, то магометане должны имъ помогать и покровительствовать (и вы не должны смотрѣть

на это какъ на простую помощь въ ихъ безпомощности, а какъ на угожденіе предписаніямъ Божія Апостола, издавшаго это предписаніе въ ихъ пользу властію Бога). Во время войны или когда магометане будутъ на враждебной ногѣ съ своими сосѣдями, ни одинъ христіанинъ не долженъ быть ненавидимъ или призираемъ за свое пребываніе среди ихъ (магометанъ) и всякій, кто станетъ дурно обращаться съ христіаниномъ, тотъ сочтется несправедливымъ и упрямымъ противъ Апостола Божія и непослушнымъ Его волѣ. (А Богъ говоритъ: «Будь или проповѣдникомъ, или посредникомъ»).

Ни одинъ христіанинъ не будетъ противникомъ магометанъ и не присоединится ни тайно, ни явно къ ихъ врагамъ, не пріютитъ и не приметъ врага магометанъ ни въ своемъ домѣ, ни въ какомъ либо мѣстѣ своего Богослуженія; онъ не поможетъ ни оружіемъ, ни лошадьми, ни людьми какому-либо врагу, а такъ же не снабдитъ его деньгами и не дастъ ихъ ему взаймы; онъ не будетъ вести переписки и не будетъ имѣть никакого сообщенія съ врагомъ, развѣ только если онъ (этотъ врагъ) будетъ въ деревнѣ или городѣ, гдѣ христіане будутъ принуждены къ подобнымъ дѣйствіямъ *для защиты своей религіи*.

Они не запретятъ магометанину оставаться или расположиться въ теченіи трехъ дней и ночей, со всѣмъ его скотомъ и со всѣми его спутниками въ какомъ бы то ни было мѣстѣ и они укажутъ ему мѣсто для его безопаснаго пребыванія и оградятъ его отъ всякой обиды и всякаго принужденія.

Если обстоятельства потребуютъ укрыть магометанина въ какомъ бы то ни было христіанскомъ домѣ, то христіане обязаны пріютить его, принять въ свои жилища и

помѣстить его въ самомъ безопасномъ мѣстѣ, назначенномъ для охраненія ихъ собственной жизни такъ, чтобы христіане были его участниками во всемъ, что можетъ съ нимъ случиться, пока онъ подъ ихъ покровомъ. Они не должны указывать врагу ни на сильную, ни на слабую сторону магометанъ и не нарушать обязанностей, которыми они съ ними связаны въ силу этого документа. Слѣдовательно, если кто либо изъ христіанъ не соблюдеть или отвергнетъ которое нибудь изъ этихъ условій, подтвержденныхъ и скрѣпленныхъ волей первосвященниковъ, духовныхъ лицъ и всѣми христіанами, то онъ будетъ лишень правъ, дарованныхъ христіанамъ за исполненіе и соблюденіе этого священнаго завѣщанія, скрѣпленнаго Божественною властью, послѣ честнаго обѣщанія, даннаго Апостоломъ Божиимъ и Его народомъ въ исполненіи всего, что содержится въ этомъ завѣщаніи, всюду, гдѣ бы они ни были или гдѣ бы они ни находились, слѣдовательно Апостолъ Божій обязуется исполнить все, что онъ обѣщалъ и назначилъ христіанскимъ народамъ, а магометане въ свою очередь обязаны соблюдать и уважать силу этого документа до послѣдней минуты.

Подписано и скрѣплено, согласно съ Божественными предписаніями, полнымъ отпечаткомъ правой руки Мухаммеда, Апостола и посланника Бога.

А свидѣтели, подписавшіеся подъ этимъ указомъ, скрѣпляютъ и удостовѣряютъ, что этотъ документъ сдѣланъ Мухаммедомъ и Апостоломъ Божиимъ съ христіанскими народами, которые въ силу этого связаны нѣкоторыми условіями, а съ другой стороны пожалованы правомъ пользоваться извѣстными правами.

Писалъ Моавія-Бенъ Сафіанъ со словъ Апостола во вто-

рой день послѣдняго числа четвертаго мѣсяца, четвертаго года Гиджры, въ Мединѣ и, преполненный Божьимъ милосердіемъ, онъ радостно скрѣпляетъ своимъ свидѣтельствомъ этотъ документъ, да славится Господь Богъ Творецъ Вселенной.

Абу-Бекръ-Эссиддикъ; Омаръ-Биннуль-Хатабъ; Османъ-бину Аффанъ; Али бину Суфیانъ; Абу-Дерда; Абу-Зяръ; Абу Храйра; Абдулла бину Массудъ; Абдулла бину Аббасъ; Хамзя бину Абдуль Мутальябъ; Фозайль; Зейтъ бину Сабитъ; Абдуллабину Зейдъ; Збйръ бину эль-Авоамъ; Харрасъ бину Зейдъ; Саадъ бину Моадъ; Сабетъ бину Кейсъ; Асама бину Зейдъ; Османъ бину Матъунъ, Абдулла бину Омаръ эль-Ассъ; Хасанъ бину Сабетъ; Жафаръ бину Аби Талевъ; Ибнуль Абассъ; Талха бину Абдулла; Саадъ бину Ибатъ; Зейдъ бину Аркамъ; Зухайль бину Бида; Давудъ бину Жаббаръ; Абу Ама; Абу Харисъ бину Озайръ; Хасанъ бину Алія; Аширъ бину Айменъ; Кяабъ бину Малекъ; Кяабъ бину Каудъ.

Да благословитъ ихъ всѣхъ Богъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Рабы и женщины въ ученіи Ислама.

I.

Рабовладѣніе и полигамія вотъ двѣ крупныя особенности Ислама. Эти два института, вошедшіе въ мусульманство и сохранившіеся до нашихъ дней, болѣе всего нуждаются въ историческомъ объясненіи и критикѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что происхожденіе какъ того, такъ и другого нельзя приписать Мухаммеду. Мухаммедъ засталъ ихъ въ сильно развитомъ и распространенномъ видѣ среди аравитягъ того времени. Онъ былъ вынужденъ терпѣть эти грустныя съ современной точки зрѣнія явленія, и нельзя думать, чтобы онъ самъ питалъ безусловное сочувствіе къ такому порядку вещей.

Просматривая внимательно его ученія, мы видимъ сильное желаніе Мухаммеда уничтожить рабство. Конечно ему здѣсь пришлось бояться сильной оппозиціи со стороны дикихъ сыновъ Аравіи. Такой рѣшительный шагъ, мѣняющій весь общественный строй, не могъ быть сдѣланъ безъ длинной исторической подготовки. Нужно понять невозмож-

ность осуществленія мечты Мухаммеда въ то, далекое отъ насъ, время. Можно сказать, что здѣсь Мухаммедъ встрѣтился съ неодолимыми препятствіями; такой реформы онъ произвести не могъ.

Да и на самомъ дѣлѣ, вглядываясь въ современную дѣйствительность, можно ли сказать, что наше время далеко ушло отъ рабства, въ самомъ доподлинномъ значеніи этого слова. Вспомнимъ войну сѣверныхъ и южныхъ штатовъ, репресъ противъ работорговли, и надо сказать, что 1411-ая статья далеко еще не потеряла смысла въ нашемъ уголовномъ уложеніи и особенно въ началахъ международного права.

Если Мухаммеду не удалось совершенно уничтожить этого унижительнаго и позорнаго для рода человѣческаго торга, то онъ всегда старался ослабить и смягчить его вредныя послѣдствія. Мухаммедъ старался привить арабиянамъ взглядъ на раба, какъ на человѣка, подлежащаго воспитанію и недоразвитаго по ограниченности своего кругозора до гражданской равноправности. Контингентъ рабовъ тогдашней Аравіи состоялъ главнымъ образомъ изъ чернокожихъ негровъ центральной Африки. Мухаммедъ всенародно проповѣдывалъ и призывалъ состоятельныхъ владѣльцевъ отпускать на волю рабовъ, а оставшихся въ неволѣ у бѣдныхъ собственниковъ предлагалъ выкупать болѣе богатымъ. Однимъ изъ самыхъ богоугодныхъ дѣяній онъ ставилъ выкупъ раба съ освобожденіемъ его на волю. Онъ самъ первый освободилъ своего раба Зайда, и сдѣлалъ его потомъ военачальникомъ. Въ своихъ изреченіяхъ Мухаммедъ говорить: «хорошее обращеніе съ невольниками—признакъ благодатности дома, дурное-же—признакъ дурнаго дома». Шаріатуль-исламъ стр. 489-я.

Абдулла бину Массудъ передаетъ слѣдующій случай изъ жизни Мухаммеда. Одинъ аравитянинъ, придя къ Мухаммеду, спросилъ у него, сколько разъ слѣдуетъ прощать слугу?—«Семьдесятъ разъ въ день», отвѣтилъ пророкъ.

При этомъ онъ не ограничился однимъ проповѣдываніемъ этого гуманнаго принципа; онъ издалъ законы, ограждающіе права рабовъ отъ произвола владѣльцевъ и позаботился поднять нравственный обликъ раба. До того времени рабы не отличались въ понятіи свободныхъ отъ скота и совсѣмъ не причислялись къ числу человѣческихъ существъ. Мухаммедъ не могъ помириться съ этимъ позорнымъ подѣленіемъ: людей угнетающихъ и людей угнетаемыхъ не-людей. Онъ говорилъ, что лишь знаніемъ, ученостью и нравственными достоинствами люди отличаются другъ отъ друга во всѣхъ сферахъ жизни, и этимъ ученіемъ дана возможность рабамъ занять одинаковое положеніе со свободными. Въ домашнемъ быту при обращеніи къ рабу онъ не позволялъ даже звать: «о, рабъ или рабыня!», предлагая здѣсь пользоваться менѣе унижительными для сознанія человѣка словами: «юноша», «молодецъ» и т. д.

Въ своей гуманной пропагандѣ о рабахъ Мухаммедъ не останавливается ни передъ чѣмъ. Онъ не зналъ, чѣмъ бы только склонить общество къ болѣе мягкосердечному обращенію съ рабами. Между прочимъ онъ ставилъ выкупъ раба или нѣсколькихъ искупленіемъ прежнихъ грѣховъ и даже преступленій (фекке рака бятинъ). Аби-хурайра передаетъ со словъ Мухаммеда: «кто только отпустить своего раба на волю, того Всевышній освободитъ отъ гѣны огненной». Дочь Абу-бекра передаетъ, что когда всѣ были смущены затменіемъ луны, принимая это явленіе за кару Бо-

жію, Мухаммедъ въ минуту общественной паники предлагалъ освободить рабовъ, чтобы угодить Господу Богу.

Мухаммедъ постоянно рекомендовалъ воспитывать и обучать своихъ рабовъ. Аби-зеръ передаетъ, что если у кого есть рабыня, пусть онъ возвышаетъ ее воспитаніемъ и хорошимъ обращеніемъ съ ней, а затѣмъ освободить и выдать ее замужъ, и тому будетъ отъ Господа Бога двойная награда. Въ числѣ другихъ моральныхъ предписаній Корана почетное мѣсто отводится хорошему обращенію съ рабами. «Почитайте Бога и ничего съ нимъ не равняйте. Оказывайте доброту вашимъ отцамъ и матерямъ, вашимъ роднымъ, сиротамъ, бѣднымъ, опекаемымъ, соединеннымъ съ вами родствомъ и покровительствуемымъ иностранцамъ, вашимъ товарищамъ, путешественникамъ и *невольникамъ*. Богъ не любитъ человѣка тщеславнаго и гордаго». (Гл. IV, ст. 40 Корана). Мухаммедъ говорилъ: «Ваши рабы—ваши братья, насыщайте ихъ той же пищей, что ѣдите и сами». Абимуса-аль-амари передаетъ со словъ Мухаммеда: «Если кто имѣетъ рабыню, то пусть онъ ее воспитываетъ и лучшимъ украшеніемъ для нея сдѣлаетъ воспитаніе; а потомъ выдать ее замужъ и уволить».

Все ученіе Мухаммеда ясно проникнуто духомъ равенства рабовъ со свободными въ глазахъ пророка. Онъ стоялъ на стражѣ интересовъ безправныхъ и, гдѣ только имѣлъ случай высказаться въ ихъ пользу, не пропускалъ возможности облегчить ихъ положеніе. Такъ даже случайно, въ шутку или въ пьяномъ видѣ произнесенное хозяиномъ слово «свободный» по адресу раба освобождало его отъ неволи.

(Абизаръ передаетъ, что онъ однажды позволилъ себѣ въ домѣ Мухаммеда сказать встрѣтившемуся ему черному

абиссинцу: «Сынъ черныхъ». Услыхавъ это, Мухаммедъ сказалъ: «Что ты Абизаръ сказалъ?—нѣтъ превосходства бѣлыхъ надъ черными».

Вотъ, что сказалъ Мухаммедъ о рабствѣ въ своей предсмертной рѣчи, торжественно произнесенной имъ въ 10-мъ году Гиджри на горѣ Арафатъ: «Мои послѣдователи! За-вѣщаю вамъ строго соблюдать пятикратное богослуженіе и строго соблюдать хорошія отношенія къ вашимъ рабамъ. Удовлетворяйте ихъ нужды, кормите ихъ, чѣмъ сами питаетесь, одѣвайте, чѣмъ сами одѣваетесь, не принуждайте ихъ къ непосильной работѣ, не притѣсняйте ихъ. Что-же въ томъ, что судьба поставила ихъ подъ вашу власть? Если Богъ пожелаетъ, и вы будете подъ ихъ властью».

II.

Одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ Ислама—пережитокъ старины, вошедшей въ его ученіе, многоженство. Эта черта едва-ли не сильнѣе всего отдаляетъ Исламъ отъ европейской культуры. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ измѣняется взглядъ на женщину. Женщина все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ правъ и уничтожаетъ свою зависимость отъ мужчины. Абсолютная равноправность половъ и вообще людей—прекрасная теорія, но принесетъ ли практическое осуществленіе ея хорошіе результаты—судить трудно. Это проблема будущаго. Пока же намъ приходится сомнѣваться, кто больше ошибается: природа ли, создавшая женщину съ болѣе слабой организацией и специально предназначенной къ преимущественной роли ея въ семьѣ, или современныя требованія нѣкоторыхъ, пытающихся изгладить всякую разницу половъ

въ общественномъ быту. Думается, какъ бы далеко не зашла невелипровка половъ, не удастся намъ побѣдить упрямой природы и врядъ ли фальсификація, столь свойственная нашему времени во всѣхъ сферахъ жизни, сдѣласть здѣсь значительные успѣхи.

Между положеніемъ современной женщины въ обществѣ и положеніемъ женщины у аравитянъ въ эпоху возникновенія Ислама та же пропасть, которая отдѣляетъ нашу женщину отъ ея прабабушки у всѣхъ почти народовъ. Положеніе же женщины у аравитянъ ко времени появленія Мухаммеда было по истинѣ самое ужасное. Женщина мало чѣмъ отличалась отъ рабочаго скота и считалась самымъ бесполезнымъ и лишнимъ существомъ. Особенно несчастна была мать, рождавшая дочерей. Малютку иногда живьемъ закапывали въ землю или убивали на глазахъ матери, а мать осыпали упреками, насмѣшками и приписывали ея роды злымъ духамъ. Трудно было положеніе въ семьѣ такой матери!

Эта грустная картина была замѣчена Мухаммедомъ и потребовала обновленія въ этой части быта аравитянъ. При такихъ условіяхъ создавалось законодательство о семьѣ и женщинѣ въ Коранѣ. Мухаммедъ скоро, какъ увидимъ, сдѣлалъ значительное улучшеніе въ бытѣ аравитянки. Тѣмъ не менѣ полученная форма полигаміи не можетъ быть приписана изобрѣтенію Мухаммеда. Приводя въ порядокъ эту сферу, онъ долженъ былъ санкціонировать укоренившееся вѣками, и внося сюда духъ милосердія и терпимости, могъ только смягчить и парализовать наиболѣе вредныя послѣдствія прежней полигаміи, гдѣ произволу мужчины не было границъ.

Такимъ образомъ, желая улучшить положеніе женщинъ

и дѣтей, Мухаммедъ прежде всего положилъ предѣлъ женитьбы на безграничномъ числѣ женъ. Границею онъ поставилъ число—четыре. Однако, допуская 4-хъ женъ, Мухаммедъ не рекомендовалъ такой семьи; онъ лишь терпѣлъ ее, боясь грубо порвать съ арабской стариной и тѣмъ испортить дѣло улучшенія быта женщины. Браку было присвоено значеніе гражданской сдѣлки между равноправными. Вступленіе въ бракъ со всѣми его послѣдствіями, въ особенности подчиненіемъ себя власти мужа, зависило въ равной степени и отъ воли женщины—невѣсты. Соглашаясь на бракъ, она заключала договоръ, основанный на обоюдныхъ выгодахъ и eo ipso подчинялась всѣмъ условіямъ и послѣдствіямъ брачной и семейной жизни. Далѣе Мухаммедъ обставилъ полигамическій бракъ такими тяжелыми условіями, что немногіе лишь послѣдователи его ученія, при условіи точнаго соблюденія предписаній пророка, рискнули бы воспользоваться этой сладкой яко-бы возможностью въ интересахъ своего сластолюбія. И не иначе какъ послѣ долгаго размышленія и борьбы съ своею похотью, мусульманинъ можетъ рѣшиться на многоженство, *если только онъ не захочетъ нарушить заповѣтъ Ислама*. Какъ мы увидимъ ниже, въ наше время не только не легко имѣть нѣсколько женъ, соблюдая въ точности предписанныя условія, но прямо такъ невозможно при значительной дороговизнѣ жизни и расточительности женщинъ. Каждый мусульманинъ, имѣющій совѣсть и желающій жить по Шаріату, долженъ сознать эту истину и совершенно уяснить себѣ всю пагубу такой неумѣренности.

Коранъ говоритъ: «Если вы боитесь быть несправедливыми къ сиротамъ, не женитесь на женщинахъ, которыя вамъ нравятся, болѣе какъ на трехъ или четырехъ. Если

все-таки боитесь быть несправедливыми—на одной». (Коранъ гл. IV, ст. 3).

Толкователь Корана Имамъ Фахру-разы, (Тефсиру-кя-биръ т. III, ст. 200) говоритъ по этому поводу: «Арабы, женившіеся на неограниченномъ числѣ женщинъ и, имѣя многочисленныхъ дѣтей, причиняли обиды женамъ и совершали всевозможныя несправедливости по отношенію къ нимъ. Въ особенно жалкомъ положеніи оказывались дѣтисироты и женщины, рождавшія дочерей. Конецъ этой несправедливости положилъ Коранъ, поставивъ въ принципъ брака справедливость мужей по отношенію къ женамъ и сиротамъ. Если кто можетъ поручиться предъ своей совѣстью, что онъ, женись на другой, не будетъ дѣлать несправедливостей, то такому допускается вступленіе въ новый бракъ. Если же онъ рѣшительно не можетъ быть увѣреннымъ въ своемъ безпрестрастіи къ такой сложной семьѣ, то предписывается ему оставаться при одной женѣ». Далѣе Имамъ совершенно послѣдовательно говоритъ: «чтобы не очутиться въ семейной нуждѣ, лучше не увеличивать числа женъ».

Авторъ Шаріатъ уль Ислама по этому же вопросу приводитъ слова Имама Абу-лайса, что при всей увѣренности человѣка въ сохраненіи справедливости и равноправія между своими женами, предпочитается оставаться съ одной женой, что такой человѣкъ получитъ вознагражденіе отъ Бога за то, что онъ не причинилъ сердцу женщины безпокойства.

Такимъ образомъ при нашей сложной и многотребовательной жизни, много-ли найдется такихъ, которые, слѣдуя въ точности этимъ строгимъ предписаніемъ, могли-бы обезпечить 3-хъ или даже 4 женъ съ ихъ потребностями на началахъ абсолютнаго равенства? Иное дѣло было во

времена Мухаммеда, когда много-ли надобно было бедуину тратить въ своей пустынѣ на наряды, пищу, воспитаніе дѣтей и весь вообще жизненный комфортъ кочевника. Но и тогда Мухаммедъ уже вынужденъ былъ ограничивать аравитянъ въ этомъ отношеніи. Теперь такія требованія Ислама и условія нашей жизни, мы думаемъ, дѣлають полигамію совершенно невыполнимой. Измѣнившіяся условія нашего времени несомнѣнно должны сдѣлать рѣшительный поворотъ во взглядахъ мусульманъ на этотъ предметъ. Дѣйствительность оправдываетъ наши ожиданія.

III.

Исламъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на положеніи женщины въ семьѣ и ея правахъ. Относительно надлежащаго, мягкаго обращенія съ ними со стороны мужа въ Шаріатуль Исламъ говорится такъ: «Мужъ долженъ обращаться съ женой ласково и съ вѣжливою обходительностью; онъ долженъ избѣгать всякихъ непріятностей, ведущихъ къ размолвкамъ; стараться по мѣрѣ силъ окружить ее возможнымъ довольствомъ и радоваться, если ему это удастся; многія непріятности семейной жизни относить къ собственнымъ недостаткамъ и помнить, что если самъ хорошъ, то и жена будетъ поступать хорошо».

Если мужъ счастливъ въ семейной жизни, если у него хорошая и достойная жена, онъ долженъ цѣнить это, какъ великій ипчѣмъ невознаградимый даръ. На маловажные недостатки жены мужъ не долженъ обращать вниманія, снисходить къ нимъ и не говорить о нихъ въ обществѣ, чтобы не обидѣть нѣжнаго сердца женщины.

«Пропустить, перенести одну обиду со стороны жены — значитъ спасти себя отъ другихъ обидъ — дѣтей отъ побоевъ, домашнюю скотину отъ палки, одежду отъ порчи и гостей отъ оскорбленій». Въ случаѣ надобности рекомендуется — промолчать.

Мухаммедъ говорилъ: «Онѣ созданы слабыми и ихъ слѣдуетъ побѣждать молчаніемъ. Предупредительностью вы внесете въ домъ миръ. Внимательность мужа къ хлопотамъ жены гаситъ гнѣвъ Божій». (Худмет-уль-аяль ютфіу-газбы-ррабба).

Что же касается отношенія жены къ мужу, Мухаммедъ особенно рекомендуетъ женамъ быть покорными и послушными своимъ мужьямъ. «Рай вашъ у ногъ вашихъ мужей», говоритъ Мухаммедъ. И это совершенно естественно. Чтобы отношенія не обострились, надо кому нибудь уступать другому. Поэтому женщинѣ, какъ существу слабѣйшему и не только въ физическомъ отношеніи, изстари рекомендовалась и рекомендуется теперь покорность, а на мужчину соотвѣтственно накладывается особая обязанность мягкаго и деликатнаго обращенія — и все это на почвѣ супружеской любви.

Вообще личные отношенія супруговъ слабо подаются законодательной регламентаціи и справедливо относятся юристами къ явленіямъ нравственнаго порядка, а не юридическаго. Но какъ Мухаммедъ видѣлъ въ бракѣ лишь общественную его сторону, то и получилось, что въ магометанскомъ законодательствѣ юридическая сторона брака болѣе разработана, чѣмъ въ иныхъ законодательствахъ. Мухаммедъ установилъ юридическую обязанность для мужа мягкаго обращенія съ женой, содержанія семьи и ея, и при томъ сообразно съ тѣмъ положеніемъ, которое она зани-

мала до замужества. Для жены выдвинута была обязанность заботиться о домашнем хозяйствѣ. Отлучка изъ дому жены поставлена въ зависимость отъ согласія мужа, чѣмъ сильно стѣснена возможность внѣдомашней жизни жены и матери; жизни столь губительной для благосостоянія семьи и домашнего счастья. «Лучшая женщина та, говоритъ Мухаммедъ, на которую взглянешь, сердце радуется, отлучишься, не измѣнить тебѣ; когда остается одна, занимается своимъ хозяйствомъ». Нравственные обязанности человѣка къ своимъ дѣтямъ по Суннѣ, должны быть, какъ пишетъ Шаріатуль-Ислама, слѣдующія: «Отецъ семьи долженъ быть кроткимъ, но справедливо милосерднымъ въ обращеніи со своими дѣтьми и долженъ учить ихъ правиламъ религіи, заботиться о томъ, чтобы они получили духовно-нравственное воспитаніе, а также, чтобы они не оказались несвѣдущими въ другихъ полезныхъ знаніяхъ.» Предлагается ровнять дѣтей мужескаго пола съ дѣтьми женскаго, — но помнить при этомъ, что сердца дѣвочекъ нѣжныѣе и мягче, чѣмъ у мальчиковъ, а потому, напримѣръ, раздачу подарковъ начинать съ дѣвочекъ. Вообще семейныя добродѣтели ставятся Мухаммедомъ очень высоко. Ибн-нуль-мубарекъ, возвращаясь однажды съ похода, гдѣ пало много правовѣрныхъ, спросилъ у друзей: «Мы возвращаемся съ великаго дѣла, многихъ лучшихъ сыновъ можно считать мучениками, а знаете ли вы, кто лучше насъ?— Нѣтъ, сказали друзья.— Мужья, у кого есть семья и которые трудятся на ея пользу, кто встаетъ ночью и покрываетъ одеяломъ своихъ дѣтей. Это достойнѣе насъ».

Всѣмъ рекомендуется мирить разсорившихся супруговъ. Уладить разногласіе между ними считается великимъ дѣломъ. Однажды къ Мухаммеду пришла женщина и жа-

ловалась пророку, что мужъ холоденъ къ ней. Чуткое сердце Мухаммеда не могло остаться равнодушнымъ къ ея горю; онъ тотчасъ же позвалъ мужа, положилъ руки на головы того и другого, соединилъ ихъ лица и сталъ молиться Господу о ихъ дружбѣ, любви и счастьѣ. Послѣ того супруги прекрасно жили между собою. (Книга Шаріатуль-Исламъ стр. 468). Тамъ же мы читаемъ такой рассказъ. У Имама Шахыка была злонравная жена. Однажды кто-то совѣтовалъ ему развестись съ женой, и онъ отвѣтилъ: «Положимъ, она дурного нрава, но я вѣдь считаюсь благонравнымъ. Если я съ ней поступаю такъ же, какъ она со мной, то и я буду такимъ же; да кромѣ того я боюсь, что по ея дурному характеру никто не станетъ держать ее.» Причину всѣхъ раздоровъ слѣдуетъ приписывать собственной винѣ и думать, что если бы я самъ былъ хорошаго характера, то и жена была бы хороша. Такимъ образомъ значеніе семьи въ Исламѣ поставлено очень высоко. По изреченію Мухаммеда (хадисъ), лучшій изъ людей тотъ, кто добръ и полезенъ для своей семьи. Семейныя качества женщины должны по взгляду мусульманъ достойно оцѣниваться мужьями.

Здѣсь намъ невольно припоминаются рѣчи женскаго конгресса въ Брюсселѣ 1897 года, гдѣ высказывалось, что современный мужчина не придаетъ никакого значенія тому женскому труду, благодаря которому держится весь семейный очагъ и который всецѣло лежитъ на плечахъ женщины; а потому многія женщины бросились съ поисками за тѣми видами труда, которые, хотя и болѣе свойственны мужчинамъ и подчасъ слишкомъ тяжелы для женщины, но зато лучше оплачиваются и даютъ больше нравственнаго удовлетворенія и правъ. На конгрессѣ раздавались го-

лоса, требовавшіе, чтобы въ семьѣ не было больше одной главы «мужа», но два сотрудника, одинаково дѣлящихъ, какъ труды, такъ и доходы; обязанности и права.

Мы не будемъ рѣшать вопроса о границахъ семейной и общественной жизни женщины въ ту или другую сторону. Мы приведемъ здѣсь только нѣкоторую параллель между мусульманской семьей и современно-европейскою. Выводы пусть дѣлаетъ самъ читатель.

Пожалуй европейской женщинѣ мусульманка покажется жалкой, а жизнь ея неполной. На самомъ же дѣлѣ, сколько недовольства приходится намъ слышать въ современной семьѣ; недовольства женъ мужьями, а мужей женами. Жажда увеселеній, парядовъ, жизни внѣ дома имѣеть своимъ тяжелымъ оружіемъ обвиненіе мужа въ бездушіи, эгоизмѣ, тиранствѣ и т. д. А какъ мужья довольны семейной жизнью... о томъ мы лучше умолчимъ. Что же касается мусульманки, то мы можемъ констатировать въ видѣ общаго правила полное довольство своей семейною судьбою. Если здѣсь можно замѣтить какія либо крайности, то гдѣ онѣ приняли наиболѣе не желательный характеръ,—это очень и очень спорно. Одно лишь думаемъ, что душевный міръ есть лучшее и цѣннѣйшее благо нашей жизни.

IV.

По ученію Ислама женщина сотворена физически и умственно слабѣе мужчины, ея нѣжный организмъ ставить ее въ совершенно пныя условія при выборѣ и дѣленіи труда. Къ этому слѣдуетъ также прибавить лежащій на ней долгъ рожденія и кормленія дѣтей и тогда получится рѣзкое различіе въ положеніи мужчины и женщины и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Сообразно съ этими условіями ей

предоставляются соотвѣтствующія права. Она при условіи совершеннолѣтія *) имѣетъ полное и неограниченное право свободнаго выбора себѣ мужа. Ни отецъ, ни мать не могутъ выдавать ее замужъ вопреки ея желанію. Если же она вышла бы замужъ вопреки воли родителей за человѣка соотвѣтствующаго положенія, то такой бракъ долженъ считаться дѣйствительнымъ.

Жена въ правѣ требовать отъ мужа въ обезпеченіе себѣ особое приданое (мехрѣ) сообразно обоюдному ихъ имущественному положенію. Если мехрѣ не былъ врученъ ей при вѣнчаніи и остался у жениха, то она въ случаѣ развода въ правѣ требовать отъ мужа это приданое. Мехрѣ полная собственность жены и потому не подлежитъ включенію въ наслѣдственную или конкурсную массу въ числѣ прочаго имущества мужа, а также не подлежитъ зачету въ ту указанную часть, которая слѣдуетъ женѣ въ случаѣ смерти мужа. Жена можетъ требовать отъ мужа приличнаго содержанія по тому общественному положенію, которое занимала она въ родительскомъ домѣ, особое отъ другихъ женъ помѣщеніе и особую комнату. Если же мужъ не въ состояніи ее такъ содержать или отказывается, то жена можетъ требовать развода. Она въ правѣ отказаться отъ домашней черной работы и не обязана зарабатывать собственнымъ трудомъ что-либо въ пользу мужа, но за то обязана особенно заботливо смотрѣть за хозяйствомъ. Это послѣднее обстоятельство въ свою очередь должно цѣниться мужемъ.

Она въ правѣ отказаться кормить ребенка грудью. Если же захочетъ кормить сама, то можетъ требовать отъ мужа соотвѣтствующее вознагражденіе.

*) Совершеннолѣтіе признается очень рано и совпадаетъ съ началомъ половой зрѣлости.

Если она съ своей стороны не даетъ повода, мужъ не можетъ обидѣть ее, женись на другой.

Въ случаѣ двойнаго и т. д. (4) брака мужъ заранѣе обязывается быть одинаково справедливымъ ко всѣмъ женамъ безъ малѣйшихъ притѣсненій и соблюдать *абсолютное равенство* между женами и ихъ дѣтями.

Разводъ съ женой при болѣе широкихъ правахъ мужа затрудненъ выплатою женѣ мебра. Собственныя ея права надъ принадлежащимъ ей имуществомъ не подлежатъ никакому контролю со стороны мужа, и мужъ не имѣетъ никакихъ правъ по отношенію къ имуществу жены. Она можетъ пріобрѣтать имущество и вступать въ другія гражданскія сдѣлки совершенно самостоятельно. Въ случаѣ смерти мужа вдовы получаютъ указанную часть и въ этой части пользуются преимуществомъ предъ всѣми родственниками.

Дочери всегда участвуютъ въ наслѣдствѣ, хотя бы и вышли изъ отцовской власти и семьи, и право это передается не только ея дѣтямъ, но и мужу.

Мать и бабка также получаютъ указанную часть наслѣдства.

Незамужнія и вдовы пользуются всею полнотою гражданскихъ правъ.

Женщины могутъ быть свидѣтелями, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ судахъ. Онѣ могутъ быть повѣренными въ дѣлахъ о бракѣ и разводѣ. Могутъ быть опекуньшами, если правила шаріата имъ извѣстны и если имѣть въ виду мужчинъ благочестивыхъ для исполненія опекунскихъ обязанностей. Ханафиты даже дозволяютъ женщинамъ исполнять обязанности судьи по гражданскимъ дѣламъ. Беременные женщины освобождаются отъ тѣлесныхъ и другихъ уголовныхъ наказаній.

V.

Какъ заключеніе брака въ Исламѣ не составляетъ таинства и обсуждается гражданскимъ договоромъ, такъ и разводъ не требуетъ большихъ затрудненій и совершается путемъ официальнаго заявленія сторонъ о нарушеніи заключеннаго между ними брачнаго союза. Волѣ сторонъ отводится здѣсь самое видное мѣсто. Какихъ-либо мотивовъ ex officio не требуется, и наоборотъ самые тяжелые проступки противъ брачнаго союза тогда только могутъ влечь за собою разводъ, когда этого захочетъ одна изъ сторонъ или обѣ вмѣстѣ.

Разводъ институтъ много болѣе древній, чѣмъ Исламъ. Мы видимъ его и въ Библіи. Мухаммедъ засталъ его обычнымъ явленіемъ среди аравитянъ; при чемъ этотъ институтъ представился ему далеко не въ благоустроенномъ видѣ. Задавшись цѣлью развестись съ женой, арабъ начиналъ ее притѣснять и мучить до такой степени, что она за разводъ принуждена бывала давать еще выкупъ; данное же мужемъ приданое никогда не возвращалось. Такимъ образомъ здѣсь угнетеніе женщины было полное. Мухаммедъ регулировалъ эту сферу, на сколько это было возможно и согласовалось со взглядами арабовъ. Причину разводовъ Мухаммедъ видѣлъ въ отсутствіи любви между супругами или по крайней мѣрѣ сноснаго дружескаго расположенія и взаимнаго уваженія. Поэтому поддержаніе этихъ чувствъ онъ считалъ лучшимъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ расторженія брака. Вотъ почему онъ усиленно рекомендуетъ добрыя и хо-

рошія отношенія между супругами и такъ долго и подробно останавливается на семейномъ быту, вникая подъ часъ въ самыя ничтожныя мелочи. Разводъ съ женою, по взгляду Мухаммеда, горькая, но иногда неизбежная операція. Во всякомъ случаѣ онъ совѣтывалъ относиться возможно деликатнѣе къ брачному союзу и насколько возможно отдалять эту печальную минуту. «Всѣ средства слѣдуетъ употребить, чтобы избѣжать развода», говорилъ онъ. Все, что только можетъ уладить нарушенное согласіе, онъ совѣтуетъ пустить въ ходъ, лишь бы оставить бракъ ненарушеннымъ. При возникновеніи недоразумѣнія и несогласія, грозящаго разводомъ, онъ приказываетъ роднымъ и близкимъ съ той и другой стороны собраться вмѣстѣ и своими совѣтами уговорить раздраженную сторону и, если возможно, уладить недоразумѣніе. Если всѣ усилія на этой почвѣ останутся тщетными,—тогда только предоставляется начать бракоразводный процессъ. И здѣсь уже сама природа призывается какъ бы на помощь ненарушимости брачнаго союза. Разводъ не дается сразу. Устанавливается выжидательный срокъ—3 періода мѣсячныхъ очищеній. Если и по истеченіи этого срока желаніе разойтись останется неизмѣннымъ, то разводъ производится *). Мужъ при этомъ долженъ поступить «благородно и великодушно», возвратить женѣ установленное въ пользу ея приданое (мехръ) и дать нѣкоторую сумму на содержаніе. Инициатива развода большею частію зависить отъ мужа,

*) Къ сожалѣнію, современные мусульмане не точно поняли это требованіе и ограничили форму развода тоекратнымъ произношеніемъ установленныхъ словъ, что является, по нашему понятію, очень грустнымъ отступленіемъ.

но возможна и со стороны жены. Въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно женѣ стоитъ много трудовъ добиться согласія мужа на разводъ. Какъ коррективъ этому допускается даже выкупъ.

Какъ могъ, Мухаммедъ старался регулировать этотъ вопросъ, но удалось ли ему это? — на это лучший отвѣтъ современное положеніе въ Европѣ брака и развода.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Исламъ о государствѣ.

I.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что Исламъ не заключаетъ въ себѣ элементовъ, парализующихъ прогрессъ и враждебныхъ европейской цивилизаціи. Эта религія, довольно поздняя по своему происхожденію, старалась выбрать лучшіе элементы изъ религій, существовавшихъ до нея. Это своего рода религіозный эклектизмъ. Сюда еще слѣдуетъ прибавить то, что Исламъ не создалъ себѣ внѣшняго культа и обязательнаго посредничества между Богомъ и Его твореньемъ въ дѣлѣ пскупленія. Не имѣя ни церкви, какъ особаго учрежденія, ни духовенства, какъ особаго сословія, Исламъ переноситъ весь центръ тяжести религіи на сознаніе человѣкомъ своихъ правъ и обязанностей предъ Богомъ и обществомъ. Мораль и политика въ Исламѣ слѣдовательно соединяются тѣснѣйшимъ образомъ и на почвѣ религіозныхъ доктринъ достигаютъ самыхъ чистыхъ и либеральныхъ принциповъ. «Благочестіе не состоитъ только въ

обращеніи лица въ сторону восхода или заката. Благочестивъ тотъ, кто вѣритъ въ Бога и въ послѣдній день, въ ангеловъ и въ книгу, въ пророковъ; который изъ любви къ Богу даетъ изъ своего имущества своимъ ближнимъ, сиротамъ, бѣднымъ, путешественникамъ и тѣмъ, которые просятъ, кто выкупаетъ плѣнныхъ, кто соблюдаетъ молитву, кто творитъ милостыню, исполняетъ то, что обязанъ». (Кор. гл. 2, ст. 172). По условіямъ времени своего возникновенія Коранъ почти совѣмъ не занимается политическими вопросами, но уже и въ немъ и въ хадисахъ можно замѣтить тѣ общіе принципы, которые лежатъ въ политическомъ міровозрѣніи мусульманина. Однимъ изъ такихъ коренныхъ устоевъ мусульманства является всеобщее и безусловное равенство всѣхъ членовъ общества исповѣдующихъ Исламъ, включая сюда даже женщинъ (VIIв!..) Это былъ своего рода противовѣсъ патріархальному строю арабовъ съ сильною примѣсью аристократическихъ тенденцій. Самъ Мухаммедъ ничѣмъ не отличалъ себя отъ другихъ членовъ общины. Онъ никогда не требовалъ себѣ особаго почета, предсѣдательскаго мѣста и т. п. Среди своихъ ученыхъ собесѣдниковъ онъ занималъ мѣсто, какое пришлось, и разсуждалъ на одинаковомъ положеніи съ прочими. Когда одинъ аравитянинъ спросилъ Мухаммеда, какое положеніе онъ займетъ сравнительно съ другими, если приметъ Исламъ, Мухаммедъ сказалъ: «Такое же какъ и другіе». Здѣсь умѣстно вспомнить его же слова: «Я такой же человѣкъ, какъ и вы» несмотря на то, что по своему происхожденію онъ принадлежалъ къ лучшей аристократической фамиліи арабовъ—корейштамъ, которые были многіе годы хранителями печати Каабы. Самъ онъ никогда не вспоминаетъ этого и какъ бы навсегда забылъ о старыхъ

привиллегіяхъ своего рода. «Господь уничтожилъ обычай невѣжественныхъ арабовъ гордиться своими предками. Вы всѣ дѣти Адама, который былъ созданъ изъ праха». Вотъ почему должно ему приписать уничтоженіе аристократическаго характера аравійскихъ племенъ и основаніе новаго строя чисто демократическаго характера.

II.

Второй принципъ—это положеніе власти въ мусульманскомъ государствѣ. Правительство, власть, по ученію Ислама, должны руководиться законами. Источники законодательства въ порядкѣ ихъ значенія и примѣненія таковы: сначала Коранъ, далѣе Сунна, потомъ выводы ученыхъ и наконецъ всеобщее единодушное мнѣніе. Это не вяжется съ общераспространеннымъ представленіемъ о восточномъ деспотизмѣ, но между тѣмъ это такъ. Въ какую бы форму не вылилось управленіе въ мусульманскомъ государствѣ, власть вездѣ должна быть подзаконна. Это основной принципъ мусульманскаго государственнаго права. Вотъ въ какомъ смыслѣ монархъ является повелителемъ арміи, верховнымъ судьей, наблюдаетъ за всѣми отраслями администраціи и принимаетъ мѣры, клонящіяся къ всеобщему благополучію. Сообразно съ этимъ онъ пользуется всѣми преимуществами, которыя являются необходимыми атрибутами носителей власти. Такое положеніе вещей проникаетъ все ученіе Ислама и до того неумолимо послѣдовательно, что каждый мусульманинъ имѣетъ обязанность стоять на стражѣ закона (амру мааруфъ нахи аниль мункяръ). Эти теоріи при неясномъ пониманіи

значенія ихъ элементовъ ведутъ къ извращенію правильнаго строя мусульманскаго государства, но задача ученыхъ и состоитъ въ уясненіи и отысканіи истиннаго духа ученія.

III.

Итакъ значеніе закона очень велико въ Исламѣ, поэтому въ высшей степени важной представляется задача—выяснить то, что должно считать теперь источниками магометанскаго законодательства. Въ виду существеннаго значенія этого вопроса и большой путаницы въ пониманіи его современными послѣдователями Ислама, мы дадимъ ему нѣкоторое историческое освѣщеніе, и во временахъ близкихъ къ Мухаммеду будемъ искать разрѣшенія этой задачи. При своей жизни Мухаммедъ никого не назначилъ себѣ въ преемники, хотя и отличалъ особо 4-хъ чахаръ-яръ изъ своихъ приближенныхъ и оказывалъ имъ особое предпочтеніе. Умирая онъ не сдѣлалъ даже обычнаго завѣщанія. Такимъ образомъ халифатъ остался безъ главы, а самый вопросъ о правленіи остался на усмотрѣніи магометанъ. Останки пророка еще не были преданы землѣ и лежали въ опочивальнѣ, когда Абу-Бекръ въ мечети возшелъ на кафедру и обратился къ народу съ рѣчью о необходимости назначить халифа. Онъ говорилъ: «Правовѣрные! Пророкъ нашъ Мухаммедъ оставилъ этотъ тлѣнный миръ и переселился въ миръ вѣчности. Онъ умеръ. Но Богъ Всевышній, въ котораго вѣрилъ Мухаммедъ и къ которому призывалъ насъ, живъ въ своемъ вѣчномъ существѣ. Для нашей религіи надо выбрать лицо, которое могло-бы ее поддержать

(Лябудда лихазяд-дини-менъ якумэ бихи). Присутствовавшие согласились со словами Абу-Бекра и тотчасъ же былъ созванъ совѣтъ (мухаджіеръ и ансары) въ мѣстности, названной Сакифя бинну Сайда, для обсужденія вопроса о халифѣ. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ между мухаджіерами и ансарами всѣ сошлись на выборѣ Абу-Бекра. Лучше его и болѣе достойнаго халифа не находили. Такимъ образомъ Абу-Бекръ при всеобщемъ одобреніи народа сдѣлался первымъ халифомъ и преемникомъ власти пророка. Тотчасъ же всѣ приступили къ формальному изъявленію вѣрности (байать, рукоприкладство). Церемонія эта состояла въ рукопожатіи въ знакъ признанія. Итакъ самый важный вопросъ о назначеніи халифа при неимѣніи точныхъ указаній въ Коранѣ и Суннѣ въ самыя ближайшія времена къ пророку былъ рѣшенъ общимъ собраніемъ (иджмау-умметъ). Съ этого момента Иджма становится третьимъ источникомъ мусульманскаго законодательства. Къ нему прибѣгаютъ, если на данный вопросъ не находятъ отвѣта ни въ Коранѣ, ни въ преданіяхъ. Необходимо замѣтить, что и Коранъ предусматривалъ этотъ источникъ закона. Такъ въ 3 гл. 153 ст. говорится: «Совѣтуйся съ ними въ дѣлахъ». Въ богословской книгѣ Тавзыхъ эти стихи приводятся въ подтвержденіе вышеуказанной мысли. Тафсиру-кябиръ въ объясненіе этихъ стиховъ Корана говоритъ слѣдующее: «Самъ Мухаммедъ, какъ пророкъ, несомнѣнно зналъ больше своихъ приближенныхъ и казалось бы ему не зачѣмъ было совѣтываться съ ними. Но это мѣсто и доказываетъ, во-первыхъ, его уваженіе и внимательность къ мнѣнію другихъ. Ему, проповѣднику мягкосердія и благородной обходительности, чужда надменная грубость деспота. Во-вторыхъ, самому Мухаммеду предписывается иджитihadъ въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда ему не послѣдовало откровенія. И сила этого иджитихада связывается съ обмѣномъ мыслями и совѣщаніемъ съ другими, почему всестороннее обсужденіе совместно съ другими и указывается Кораномъ и преданіемъ». Сюда же относится и слѣдующее преданіе (хадисъ), приводимое книгою Тавзыхъ. Мухаммедъ говорилъ: «Что одобрено моими послѣдователями, то одобрено и самимъ Господомъ Богомъ (Мараахуль муслимуна хасанунъ фахува пнда ал-лахи хасъ-нунъ).

Въ этой же книгѣ эта мысль выражается сильнѣе: «Рука Божья надъ людьми». Другое преданіе влагаетъ въ уста Мухаммеда слова: «Не соединятся мои послѣдователи въ заблужденіи». Мысль та-же: гласъ народа,—гласъ Божій. Далѣе говорится: «Отступникъ отъ общаго мнѣнія умретъ смертью невѣжи; слѣдуйте общему мнѣнію». Толкователь выводитъ отсюда слѣдующее: «Иджма есть шаріатскій законъ для мусульманъ. Положенія иджма должны считаться авторитетными и окончательными (хукмю-каты) до тѣхъ поръ, пока совершенно однообразно и равнымъ авторитетомъ не будетъ высказано противоположное или вообще иное положеніе относительно даннаго вопроса».

IV.

Съ распространеніемъ мусульманскаго владычества и осложненіемъ политической жизни, вышеозначенные регуляторы государственнаго механизма оказались недостаточными. Съ одной стороны они не охватывали всѣхъ вновь возникавшихъ вопросовъ, съ другой—они не были приспособлены въ формальномъ отношеніи къ жизни большого

государства, раскинувшего свои предѣлы на разныхъ частяхъ свѣта. Вслѣдствіе такой необходимости возникъ новый четвертый источникъ законодательства кыясъ, сравнительное толкованіе (аналогическій выводъ). Этотъ четвертый источникъ имѣетъ въ своемъ основаніи, какъ объ этомъ говоритъ книга Тавзыхъ и толкователь Тафсирукъябиръ, также указаніе Корана. «О, люди свѣдущіе! Поступайте въ вашихъ дѣлахъ сообразно съ аналогичными случаями». (Гл. LIX ст. 2). Къ этому же слѣдуетъ присоединить слѣдующее преданіе (хедисъ) о Мухаммедѣ: «Когда Мухаммедъ отправлялъ въ Іеменъ самага близкаго своего асхаба (собесѣдника, друга) Мааза съ порученіемъ и, давая ему инструкцію въ руководство, спросилъ между прочимъ Мааза, какъ онъ будетъ рѣшать возникшіе на мѣстѣ вопросы, Маазъ ему отвѣтилъ: «Буду руководствоваться положеніями Корана!» — «Ну, а если и въ Коранѣ не найдешь отвѣта?» — «Тогда буду руководствоваться Сунною» — «А если и тамъ не будетъ отвѣта?» — «Тогда буду рѣшать собственнымъ усмотрѣніемъ (ачтахиду бирап)». На это Мухаммедъ сказалъ: «Хвала Богу, внушившему мысль посланцу посланца своего». Этотъ источникъ было особенно выдвинуть послѣ асхабовъ (лицъ имѣвшихъ непосредственное общеніе съ Мухаммедомъ, его собесѣдниковъ) и тщательно разработанъ мусульманскими законовѣдами еще въ концѣ втораго вѣка магометанства. Имъ пользовались мучтахиды, ученые авторитеты, для разрѣшенія многихъ, выдвигавшихся самою жизнью, вопросовъ. Первыми такими авторитетами были 4 ученыхъ Имама: 1) Абу-ханифа, 2) Шафеп, 3) Маликъ и 4) Ханбель—основатели четырехъ школъ магометанской юриспруденціи. Ихъ положенія иногда расходятся между собой, но во всякомъ случаѣ

считаются авторитетными и допустимыми. Отсюда очевидно, какъ ни авторитетны и какъ ни почтены выводы мучтахидовъ, но имъ не свойственна непогрѣшимость или не ошибочность. Конечно, болѣе правильный выводъ цѣнится выше. Здѣсь мусульманскія книги образно говорятъ, что мучтахидъ и погрѣшившій даже въ своемъ выводѣ получить за свое усердіе награду, но двѣ награды получить тотъ, чей выводъ будетъ вѣренъ и согласенъ съ истиной. Изъ выводовъ другихъ мучтахидовъ особенно важными считаются положенія учениковъ Абу-ханифа Имамовъ Юсуфа и Мухаммеда. Ихъ мнѣнія принимаются даже чаще сравнительно съ положеніями ихъ учителя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они оба одинаково оспариваютъ послѣдняго, или по характеру своихъ ученыхъ трудовъ являются большими специалистами. Такимъ образомъ степень значенія этого источника обуславливается степенью правильности положенія и его согласія съ истиной. Разъ основательная критика разрушила непреложность кыаса, его обязательность падаетъ и должна уступить свое мѣсто другому болѣе основательному. Вотъ гдѣ надо искать уразумѣнія того, что въ современной жизни слѣдуетъ считать закономъ. Исламъ стоялъ на правильномъ пути развитія своего законодательства; съ увеличеніемъ государственныхъ задачъ, и осложненіемъ жизни, оно постепенно выдвигало новые источники и дошло до такого состоянія, когда всѣ стороны общественной жизни получили возможность правильной оцѣнки и регламентаціи. Если бы современный законодатель, понимающій всѣ нужды и запросы дѣйствительности, сталъ бы искать исхода къ примиренію повседневной жизни съ ея законодательнымъ воплощеніемъ, онъ, думается намъ, нашелъ бы съ честью выходъ изъ своего затрудненія, твердо

и неуклонно идя по пути, уже намѣченному исторіей. Намъ кажется, для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, гибкость Ислама даетъ достаточный просторъ. Исторія законодательства Ислама даетъ прекрасный ключъ къ открытію самыхъ сложныхъ и хитрыхъ замковъ. Къ сожалѣнію этотъ ключъ въ небрежныхъ рукахъ успѣлъ уже покрыться плѣсенью и ржавчиной. Онъ ждетъ время, когда эта плѣсень очистится и имъ воспользуются, чтобы вдохнуть новую силу туда, гдѣ былая дѣйствительность и энергія составляютъ гордость всего человѣчества. Такъ магометанинъ можетъ подойти къ той міровой справедливости (адалать), неустанное исканіе которой одушевляетъ весь міръ. Къ сожалѣнію мы не можемъ сказать, чтобы это воззрѣніе могло претендовать на абсолютное признаніе современными учеными Ислама. Многія причины способствовали затемненію этихъ вопросовъ до той степени, до которой дошла умственная жизнь исламитовъ. Найти здѣсь вѣрный путь, подвергнуть всѣ эти вопросы новому и всестороннему обсужденію — существенная задача востока. Надъ ней должны потрудиться лучшіе умы Азіи и африканскаго магометанства. Мы же будемъ утѣшаться, что внесли посильный трудъ въ общее дѣло.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы старались выяснить на чисто исторической почвѣ догматическія, нравственныя, а отчасти и общественныя воззрѣнія мусульманства. Мы думаемъ, что трудъ нашъ будетъ не бесполезенъ въ двоякомъ отношеніи: европейца онъ освободитъ отъ традиціонно отрицательнаго отношенія къ Исламу, освободитъ отъ слѣпотаго непризнанія коренныхъ устоевъ жизни многихъ милліоновъ своихъ собратьевъ.

Если въ этомъ отношеніи нашъ трудъ принесетъ пользу, если онъ возбудитъ мысль въ иномъ направленіи, если найдутся желающіе искать безпристрастія въ жизни, успѣхъ, неудачахъ на пространствѣ 12 столѣтій многихъ націй, стоявшихъ подъ сѣнью Ислама, — тогда мы вспомнимъ слова: *fecit quod potui, faciant meliora potentes.*

Другая часть нашей задачи разсчитана на мусульманъ. Извѣстно, что долгая историческая косность народа вырабатываетъ среди него своеобразный консерватизмъ.

Весьма трудная, но тѣмъ не менѣе совершенно необходимая, задача науки выяснить въ подобныхъ обстоятель-

ствахъ случайныя причины такого окаменѣнія и показать, какія обстоятельства перевели на ложный путь теченіе жизни народной и прекратили органическое развитіе этой жизни, составляющее суть исторіи человѣчества.

Такіе періоды застою можно видѣть въ исторіи почти что всякаго народа. Выйти изъ него, вступить на новый путь всегда стоило большого труда и борьбы. Всегда являлись фанатики, приверженцы *status quo*, и убѣдить ихъ въ ихъ собственной близорукости всегда стоило большихъ усилій.

Мы думаемъ, что подобныя старовѣры подымутъ свой голосъ въ осужденіе того пути, который мы указываемъ современному мусульманину.

Они будутъ осуждать стремленіе жить по тѣмъ началамъ, которыя украшали расцвѣтъ Ислама. Они будутъ стоять за жалкую дѣйствительность, за современное узкое пониманіе духа Ислама!

Съ другой стороны мы считаемъ совершенно необходимымъ предостеречь отъ тѣхъ новаторовъ, которые, желая помочь грустному положенію современныхъ исламитовъ, прибѣгали бы къ крайнимъ средствамъ и стали бы требовать реформъ и новшествъ — во что бы то ни стало; не имѣющихъ ничего общаго съ исторіей мусульманъ, ихъ воззрѣніями, бытомъ, духомъ и т. п. Между этими двумя крайностями лежитъ вѣрный путь. Уклоненіе отъ него въ ту или другую сторону будетъ равно пагубно для будущности Ислама. Вступить на него и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — наше заветное пожеланіе современнымъ мусульманамъ.

Помимо этихъ соображеній мы хотѣли бы обратить вниманіе читающей публики на этотъ конфесіональный вопросъ тѣмъ болѣе, что послѣднимъ черезчуръ мало отводить

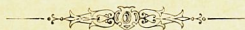
мѣста въ современной жизни. Мы имѣли уже случай упомянуть о нашемъ сомнѣніи, можетъ ли тема, затронутая нами, разсчитывать на интересъ въ публикѣ. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что современное отношеніе религіозныхъ вопросовъ къ другимъ жизненнымъ интересамъ измѣнится и, хочется намъ вѣрить, въ самомъ непродолжительномъ времени. Мы думаемъ, что настоящій квіетизмъ замѣнится горячей прочувствованной вѣрой, и заранѣе привѣтствуемъ это время. Была эпоха, когда религіозная жизнь обнимала въ себѣ всевозможные интересы и съ несвойственной ей щепетильностью, регулировала все. Даже самую пытливость ума и науки она замкнула въ тѣсныя заранѣе намѣченныя рамки. Время это прошло. Скоро наступило другое увлеченіе и даже въ болѣе энергичной степени. Было провозглашено торжество разума и знаніе было поставлено предѣломъ и цѣлью человѣческой жизни. Задачи матеріальнаго прогресса увлекли всѣхъ и ворвались всюду, даже туда, гдѣ появленіе ихъ является логическимъ безсмысліемъ. И надо сказать, что успѣхи были по истинѣ замѣчательны. Ихъ необъятность еще болѣе укрѣпила на этомъ пути человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подавила его. Какъ статуя Навуходоноссора, казалась ему, такой прогрессъ построенъ на слабой глинѣ. И вотъ отсюда идетъ начало непризнанія жизни, отождествленіе ея со зломъ и другія крайности пессимизма. Другіе же стали отрицать не жизнь, а тотъ прогрессъ, который создалъ ей такую душную безотрадную атмосферу.

Но можетъ-ли человѣкъ отрѣчься отъ прошлаго, можетъ ли онъ позабыть свою мысль? Послушаться ихъ—это перестать понимать себя. Однако мы признаемъ ихъ заслугу предъ людьми; эти проповѣдники смѣло указывали на

типлость современной жизни и говорили всѣмъ, что были времена, когда жизнь шла проще и спокойнѣй.

Мы не можемъ вернуться къ прежней простотѣ. Это значило бы отказаться отъ самого себя. Но къ спокойствію, къ нарушенной гармоніи жизненныхъ интересовъ мы можемъ и должны идти. Уравновѣсить жизнь, дать ей необходимую полноту можетъ одна лишь религія. Она заполнить ту бездну, которая открывается мыслящему оку за колоссальными успѣхами знанія; успѣхами колоссальными и жалкими вмѣстѣ съ тѣмъ по своей міровой ничтожности.

Ни наука, ни религія врозь не могли дать гармоніи жизни земной. И только правильное сочетаніе ихъ можетъ вернуть спокойствіе. Тогда только человѣкъ перестанетъ бояться правды этихъ строкъ и не станетъ презирать утеса, на которомъ онъ стоитъ самъ, и бездны его окружающей, и не станетъ отрицать своего же сознанія.

Σ 3